

*Светлой памяти моей дорогой мамы
Чащиной Любови Николаевны
посвящается*

Застолье в доме начальника Ленинского райотдела милиции Михаила Фёдоровича Тарасова по случаю присвоения ему очередного звания подполковника завершилось за полночь. Гости расходились шумно, даже с криками “ура”. Проводив всех, Тарасов не спешил возвратиться домой. Он прислонился к дверному косяку плечом и с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух. Зябко передёрнув плечами, он подумал: “Ещё пяток годков потяну ляжку, получу полковника и на пенсию. А тогда даже дня в городе не останусь. Как там говорил классик: “В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!..” Буду рыбачить, охотиться, книжки почитывать”. Тарасов мечтательно вздохнул и пошёл в дом.

Телефон, словно дожидаясь возвращения хозяина, разразился продолжительной трелью. Поморщившись, подполковник всё же снял трубку и сердито буркнул:

— Тарасов у аппарата.

В трубке раздался взволнованный голос лейтенанта Мельникова:

---

* Печатается в сокращении. Полностью выходит в издательстве Московского Сретенского монастыря.

— Товарищ майор, ой! Простите, товарищ подполковник, у нас на участке ЧП.

— Докладывай, — сохраняя недовольный тон, сказал Тарасов, хотя и понимал, что в столь поздний час его по пустякам тревожить не станут. Неурочный звонок мог означать и такое, что случилось убийство, да не простая бытовуха, а что-нибудь этакое, о чём ещё придётся докладывать выше...

— На улице Чкалова в доме 84 застыла девушка с иконой в руках... Проще сказать, окаменела.

— Слушай, Тарасов, а ты сам, часом, не того?..

— Михаил Фёдорович! — в голосе Мельникова зазвучали нотки обиды. — Вы же меня знаете, я не пью, а на дежурстве — тем более...

— Я не об этом, а о том, не тронулся ли ты умом, лейтенант?

— Да от того, что увидел, пожалуй, можно и тронуться...

— Ладно, а чего мне-то звонишь? Ну, окаменела баба, с кем не бывает. Протрезвится и помягчает. А если кому-то плохо, тогда “скорую” вызывай, а не баламутить начальство.

— Товарищ подполковник, вам лучше самому посмотреть. “Скорая” уже была, да от этого толку мало. Считаю, что обстановка может выйти из-под контроля. Уже сейчас здесь народ кой-какой ошивается, в дом пытаются проникнуть. А с утра, когда слухи разнесутся по городу, я и сам не знаю, что тут будет... Словом, необходимы ваши личные указания.

— А... — досадливо махнул рукой Тарасов, — всё равно в толк не возьму, чего ты там городишь. Жди, разберёмся на месте.

Через полчаса он вошёл в райотдел милиции. Его встретил дежурный по отделу лейтенант Пётр Мельников. Вид у него был до того потерянным, что Тарасов вместо пожатия руки просто похлопал парня по плечу:

— Ладно, пойдём в кабинет, там всё и расскажешь.

В небольшой комнате, уставленной шкапами с папками, Тарасов, не снимая шинели, сел к письменному столу на шаткий стул и бросил на стол свою шапку. Затем достал портсигар, закурил папиросу и посмотрел на лейтенанта. Тот нервно теребил портупею.

— Чего стоишь? Садись.

Мельников присел напротив и тоже снял свою шапку, но на стол не положил, а мял в руках.

— Закуривай, — Тарасов пододвинул Мельникову портсигар.

Мельников машинально взял портсигар, но тут же положил обратно.

— Спасибо, товарищ подполковник, не курю.

— Молодец, значит, здоровеньким помрёшь, — мрачно пошутил Тарасов и вздохнул, — мне бы тоже бросить, да фронтовая привычка... Ну, давай всё по порядку, только кратко, воды, сам знаешь, не люблю.

Выпустив папиросный дым в сторону от лейтенанта, он вновь глянул на него и в удивлении присвистнул:

— Ого! Ты чего это с волосами сделал?

Мельников машинально провёл по голове рукой и непонимающе уставился на начальника.

Тот протянул к нему руку. Мельников смутился, но головы не отдернул. Перебирая пальцами седую прядь волос двадцатилетнего лейтенанта, Тарасов покачал головой:

— Доводилось такое видеть, но то было на войне... Да что у вас тут творится?..

— Значит, так, — начал Мельников, массируя себе виски. — В двадцать три часа восемнадцать минут минувших суток к нам поступил сигнал со станции “скорой помощи”. Сообщили, что в доме № 84 по улице Чкаловской, где проживает гражданка Болонкина Клавдия Петровна, находится восемнадцатилетняя девушка в непонятном состоянии. То ли мертва, то ли жива, они установить затрудняются. Я взял с собою сержанта Котина, и мы направились по указанному адресу. То, что мы увидели в доме... Короче, лучше бы этого совсем не видеть.

— Так всё же, что вы там увидели? — прервал Мельникова Тарасов, закуривая новую папиросу.

— Разрешите? — Мельников взял со стола графин с водой и, наполнив стакан, залпом выпил.

— Там, товарищ подполковник, посреди комнаты стоит девушка с иконой в руках. Вначале я подумал, что это статуя. Ну, одели в платье и поставили. Дотронулся до неё рукой, а она живая. Вы представляете, живая статуя. Уж поверьте мне, зрелище жуткое. Сержант Котин, так тот, как глянул, так и вовсе из дома убежал. Потом мне заявил: “Пусть меня из органов увольняют, но в комнату с каменной бабой не пойду”.

— С чего же ты решил, что она живая, может, действительно кто-то статую в дом принёс, — усмехнулся Тарасов. — Какой-нибудь умник решил подшутить над родной милицией.

Мельников посмотрел на своего начальника удивлённым взглядом.

— Что же я, живого человека не распознаю?

— Если живая, так чего же она стоит?

— Так она же окаменела, товарищ подполковник!

— Ну, ты брось мне сказки рассказывать! Как это можно окаменеть? Ты сам-то что выяснил? Откуда эта каменная девка взялась?

— Если коротко, товарищ подполковник, то из опроса свидетелей можно понять, что дело обстояло следующим образом. В квартире гражданки Болонкиной собралась компания отметить Старый Новый год. Самой хозяйки дома не было, она ушла к подруге в гости, а дом предоставила для молодёжи. Гостей принимал её сын Вадим Сергеевич Болонкин.

— Постой, постой, а не тот ли это Болонкин, что проходил у нас по делу о карманных кражах?

— Тот самый, Михаил Фёдорович. Недавно вернулся из мест заключения. Это его вторая ходка, первая ещё по малолетке была. Среди блатных кличка Умник.

— Шибко умный что ли? — любопытствовал Тарасов.

— Книжки любит читать, вот и прослыл умником.

— Ладно, чего там дальше?

— Собрались у этого Умника парни и девчата. Посидели, выпили, включили патефон и стали танцевать. У одной из девушек, Зои Карнауховой, нормировщицы с трубного завода, не пришёл её парень. Вот она от обиды и взяла с божницы икону Николая Угодника, вроде парня её тоже звали Николай, да и пошла с этой иконой танцевать. Во время танца, как утверждают свидетели, произошло что-то невероятное. Некоторые вроде гром слышали. Кто-то видел свет, как от молнии, а в квартире так, наоборот, свет погас. Впоследствии выяснилось, что это выбило пробки. Когда же свет включили, то увидели, как эта самая Зоя стоит, словно окаменевшая, посреди комнаты с иконой в руках. Ну, они, естественно, испугались и выскочили из дому на улицу. Потом всё же сообразили в “скорую помощь” позвонить. Медики приехали и тоже впали буквально в шок от увиденного. Стоит эта девушка, как мёртвая, а сердце послушали — бьётся, значит, выходит, жива, да и дыхание есть. Попытались сделать уколы, но мышцы тела до того сжаты, что иголка гнётся или ломается, но в тело не проходит.

— Погоди, лейтенант, а чего же они тогда её в больницу не увезли?

— Пытались, так от пола не смогли оторвать. Она словно к нему приросла.

— Да это же бред! Цирк, да и только! Ну, прямо “шапито”! Фокусы! Я тебе, лейтенант, вот что скажу: головы вам заморочили. — Тарасов решительно встал. — Пойдём разбираться на месте. Надо выяснить, кто всё это подстроил. Тут, как я посмотрю, не только милицию, но и даже нашу советскую медицину ввели в заблуждение.

Напротив дома 84 по улице Чкалова стоял автомобиль “скорой помощи” с включённым двигателем. В кабине “скорой” мирно дремал шофёр. Возле самого дома стояла небольшая группа людей, что-то бойко обсуждая между собой. Завидев подходившего лейтенанта с начальником районной милиции, они наперебой стали просить:

— Дайте нам взглянуть на каменную бабу. Почему нас не пускают?

— Не положено. Идите на своих каменных баб любуйтесь, — зло пошутил Тарасов, — а здесь смотреть нечего.

Люди зароптали, но расходиться не стали. У дверей дома стоял сержант Котин. Отдав честь Тарасову, он успел шепнуть Мельникову:

— Товарищ лейтенант, подмога требуется. Народ прямо с ума сходит, уже через окно пробовали забраться.

На кухне сидела уже не молодая, слегка полноватая женщина — хозяйка дома Клавдия Петровна Болонкина. Врач мерила ей давление. Увидев вошедшего подполковника, Болонкина испуганно глянула на него припухшими от слёз глазами и сразу отвернулась. Врач, закончив измерять давление, впросительно поглядела на начальника милиции.

Ещё с войны Тарасов трепетно относился ко всем медицинским работникам, а потому сразу же поспешил вежливо представиться:

— Начальник Ленинского райотдела милиции подполковник Тарасов.

— Калашникова Анна Павловна, врач “скорой помощи”, — вставая с табурета, представилась женщина и указала рукой в сторону двери в горницу, — пойдёмте, я вас провожу.

Она вошла в комнату первой, а за ней прошёл Тарасов. В одной половине горницы стоял сдвинутый к стене стол с остатками праздничного ужина и початыми бутылками водки и вина. В другой половине спиной к ним стояла девушка в крепдешинном платье голубого цвета. Её густые светлорусые волосы волнами спадали на плечи, и Тарасов, ещё не видя лица девушки, подумал: “Наверное, красавица”. Он обошёл её кругом. Девушка действительно оказалась красивой, но Тарасова больше всего поразила её взгляд. Широко открытые глаза были устремлены на икону, которую она держала в руках. Во взгляде читались одновременно и испуг, и удивление.

Тарасову захотелось тут же выйти, как будто в комнате не хватало воздуха, но он, пересилив себя, спросил:

— Что с ней? — Голос его был хриплым и прозвучал глухо.

— Сами понять не можем, — тут же отозвалась врач и тоже негромко, как обычно стараются говорить при покойниках, — такой общей спазмы мышц в медицинской практике никогда не наблюдалось.

— А почему не вынули из рук икону? — Тарасов и сам не заметил, как тоже перешёл на шёпот, словно боясь, что его услышит застывшая девушка.

— Пробовали. Не получилось. Хотели в больницу увезти, но не смогли оторвать от пола, словно она к нему приросла.

— Каким образом?

Врач развела руками:

— Один Бог ведает, каким.

— А вы что, в Бога верите?

Врач ничего не ответила.

— Может быть, каким-то клеем ноги и туфли намазаны? — не то спрашивая, не то размышляя вслух произнёс Тарасов. Врач молча пожала плечами.

Простояв с минуту, словно что-то обдумывая, Тарасов вышел из горницы. Проходя мимо кухни, он поманил Мельникова рукой, чтобы тот следовал за ним.

— Вот что, лейтенант, — сказал Тарасов, когда они вышли в сени, — ты оставайся пока здесь, утром пришлю замену. В дом никого не пускать. Хозяйке скажи, чтобы пожила временно у родственников, а я буду звонить начальству, пусть сами кумекают, что со всей этой мистикой делать.

Анастасия Егоровна Карнаухова всю ночь так и не сомкнула глаз — ждала, когда вернётся дочь. Расстались они со скандалом. Мать была категорически против таких поздних вечеринок, но дочь всплила:

— Мама, ну, сколько можно меня “пасти”? Я, между прочим, уже взрослый человек. Что же мне, всю жизнь подле тебя сидеть прикажешь? Имею я, в конце концов, право погулять в свой выходной или нет?

— Имеешь, доченька, имеешь, да только почему так поздно? Рано тебе по ночам гулять, — пробовала возразить Анастасия Егоровна. Но дочь, ничего не ответив, хлопнула дверью и ушла.

Присев к столу, Анастасия Егоровна поплакала немного, утёрла слёзы уголками повязанного на голове платка и, подперев правой рукою щеку, горестно задумалась.

Дочь родилась 19 декабря 1938 года, через два месяца после проводов мужа Павла в Красную армию. Уже перед самым расставанием на сборном пункте он попросил: “Коли у нас родится сын, назови его в честь моего отца — Афанасием”. “А если девочка?”, — сквозь слёзы улынулась Анастасия. “Тогда пусть будет Зоей”, — ответил Павел. “Почему Зоя? — удивилась она. — У нас никого в родне нет с таким именем...” — “Потому что это имя означает жизнь, пусть наша девочка живёт счастливо”.

Когда Зое исполнилось полгода, из Саратова приехала свекровь. Узнав, что её внучка до сих пор некрещёная, она деятельно принялась разыскивать хоть какого-нибудь попа. Дело в том, что в единственном православном храме города в честь святых апостолов Петра и Павла служба не совершалась уже в течение года из-за отсутствия духовенства. В 1937 году епископа, всех священников и церковный актив арестовали, а вскоре и расстреляли. Не избежало мученической смерти даже обновленческое духовенство Покровского собора. Теперь в Куйбышеве не осталось ни одного действующего храма.

Священник вскоре отыскался. Отбыв срок на строительстве Беломорканала, отец Василий приехал в Куйбышев и устроился работать в горхозе истопником общественной бани. Просьбы о крещении или отпевании совершал с опаской и только через проверенных людей.

Сговорились о крещении на квартире одной из духовных дочерей отца Василия, но в тот день батюшку так и не дождались. На следующий день узнали, что священника арестовали вновь.

Анастасия страшно испугалась, подумав, что могут арестовать и её. Она проплакала весь день, а к вечеру вернулась свекровь. Она молча прошла к столу, села и, скинув с головы платок, обхватила седую голову руками. Какое-то время сидела, словно в забытьи, а затем стала ритмично раскачиваться со стороны в сторону и вдруг заголосила:

— Сыночек мой родненький! Да на кого же ты меня, старую, оставил?..

У Анастасии потемнело в глазах, а в ногах появилась слабость. Она кое-как добрела до постели, на которой поверх покрывала лежала спелёнутая дочь, и легла, прижав малышку к себе. Крепко зажмурив глаза, она молча слушала жалостливые подвывания свекрови, а из её глаз даже сквозь сомкнутые ресницы сочились крупные слёзы.

Несколько слезинок упало на лицо маленькой Зои, и та, недовольно морщась, завертела головой, а потом, проснувшись, задала такого рёву, что сразу же перекрыла им причитания своей бабушки.

Гибель мужа на финской войне словно изменила весь мир вокруг Анастасии. Ей казалось несуразным и даже обидным, что люди продолжают куда-то спешить, что-то делать, о чём-то разговаривают, спорят, ссорятся, смеются. “К чему это всё, — думала она, — если нет Паши”.

Свекровь, видя такое состояние невестки, испугалась за неё.

— Ты, Настя, по мужу-то плачь, но и не забывай, что у тебя ребёнок. О дочери подумай.

Но она и о дочери не думала.

Словно от забытья очнулась Анастасия, когда заболела малышка. Девочка угасала с каждым днём и даже плакать от слабости не могла. Врач, осматривая её в больнице, вздыхал и на расспросы матери отвечал односложно: “Пока ничем обнадёжить не могу. У ребёнка двухстороннее воспаление лёгких. Мы сделали всё, что могли, но организм слабый. Вот наступит кризис, тогда всё и решится”.

В этот же вечер Анастасия схватила дочь, накинута телогрейку прямо поверх больничного халата и побежала к Петропавловскому храму. Почему именно туда, она этого объяснить не могла. Ноги сами несли её, и остановилась она только на пороге церкви, где на двери висел большой амбарный замок.

В спускавшихся на землю сумерках ещё была различима икона Божией Матери, висевшая над входом в храм.

Прижимая к себе укутанную в одеяльце малышку, Анастасия опустила на колени и стала горячо молиться. Ещё в детстве со своей мамой она выучила две молитвы “Отче наш” и “Богородице Дево, радуйся”. Теперь она их и шептала, добавляя к ним свои просьбы о даровании дочери выздоровления от хвори. При этом в голове крутилась неотвязчивая мысль: разве могут помочь молитвы за некрещёную?

Как подошла незнакомая пожилая женщина и встала с нею рядом на колени, Анастасия не заметила, а заметив, испуганно замолчала. Незнакомка осенила себя крестным знаменем и неожиданно запела приятным грудным голосом: “Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятелице сирых и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну...”

Невольно прислушивалась к словам молитвы, Анастасия думала: “А ведь это всё обо мне. Это я скорбящая, это я обидимая...”

“Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши; яко не имам иныя помощи разве Тебе...” — пела между тем женщина, и Анастасия тихо заплакала. Это были уже не горькие слёзы, а какие-то благодатные, успокоительные.

Закончив петь, женщина встала с колен и протянула руки. Анастасия, не колеблясь и минуты, передала в её руки дочь и встала сама. Женщина направилась к церковной сторожке, а Анастасия последовала за ней. В сторожке женщина молча положила малышку на широкую лавку и ловко распеленала ее.

— У твоей девочки сильный жар, надо сбить температуру, — это были первые слова, произнесённые женщиной.

— Как сбить? — почти простонала Анастасия. — Я убежала из больницы. Я теперь только на Бога надеюсь, только на него.

— Это хорошо, что на Бога. Больше сейчас не на кого надеяться, — при этих словах женщина взяла из шкафа бутылку уксуса.

Она развела уксус водой и, помочив в нём тряпку, стала протирать тело малышки.

— Ребёнок некрещёный? — спросила женщина, продолжая отирать девочку уксусом.

— Мы не смогли найти батюшку, чтобы окрестить, — робко ответила Анастасия.

— Найти трудно, но теперь надо самим крестить.

— Как это самим?

— Меня зовут Вера, — вместо ответа представилась женщина, — для тебя тётя Вера буду. Я здесь при церкви и за сторожа, и за просвирню была. А когда милиция пришла священников и церковников забирать, я как раз в больнице лежала. Вот меня одну и не взяли. Почему так получилась, сама не знаю, видно, воля Божия о том. А ребёнка, коли опасность смертная, а священника нет, может крестить любой христианин. Это я точно знаю. А коли выживет дитя, то потом батюшка всё по правилам церковным dokonчит. А уж коли не выживет, то христианином помрёт, и за его душу ангельскую можно быть спокойной.

— Тётя Вера, помогите, Христа ради, окрестите доченьку, раз это можно.

— Можно, родимая, вот только сейчас водички святой достану. Каким именем крестить будем?

— Зоей назвали.

— Хорошо назвали. Зоя — это жизнь. Милостив Господь, может, и будет жить ваша доченька. Надо молиться.

Капитан Сергей Анатольевич Плетнёв, сотрудник Четвёртого Управления КГБ по Куйбышевской области, внимательно выслушал по телефону распоряжение своего начальника, подполковника Панина, и коротко сказал: “Есть, товарищ подполковник. Приму меры и доложу”.

Положив трубку, Плетнёв глянул на наручные часы и задумался. Было четверть второго ночи. Уж если начальство не поленилось позвонить ему в такой час, то надо срочно выезжать на объект. Он позвонил в ведомственный

гараж дежурному водителю и распорядился насчёт автомобиля. Затем обзвонил сотрудников своего отдела. Надо обязательно иметь трёх-четырёх помощников. Подняв ребят с постели, приказал им тут же выдвигаться к восьмидесяти четвёртому дому по улице Чкалова. Младшему лейтенанту Козыреву велел пройти прямо в дом, а двоим скрытно наблюдать за обстановкой на прилегающей территории и ждать его прибытия.

Служебную машину Плетнёв остановил, не доезжая квартала до объекта, и пошёл пешком. Шёл специально по нечётной стороне улицы, внимательно оглядывая дома напротив. Вот и интересующий его дом. Своих толпунов Плетнёв срисовал сразу. Стояли грамотно. Сделал им незаметно знак, чтобы оставались на месте.

Возле калитки дома № 84 торчали трое субъектов в явном подпитии. Плетнёв приблизился к ним, стараясь не обнаружить себя. Этому он научился, ещё когда сержантом служил в наружке*. Да, собственно, близко и не надо было подходить, мужики разговаривали во весь голос.

— Да я сам видел, сам лично, — буквально кричал один из них.

— Чего ты мог видеть, тебя, что, в дом пропустили?

— Я видел ещё до того, как милиция пришла, ты понял?

— А и чего ты там видел?

— Бабу окаменевшую видел, вот чего видел.

— Прямо окаменевшую?

— Вот именно. Стоит вся белая, как мрамор, и не шелохнётся. Окаменела, короче.

— А чего окаменела-то?

— Так я же толкую: она с иконой танцевала, вот её Бог и наказал.

— Да брось ты заливать, никакого Бога нет, выдумки это.

— А ты откуда знаешь, что Его нет? А может, и есть.

— Вот деревня! Да каждый школьник знает, что нет. Наука давно всё доказала.

— А раз доказала, так иди и потанцуй с иконой. Сам и проверишь, нет Бога или есть Он.

— Нашёл дурака, чтобы на себе проверять! Что-то там всё же есть, — и сомневающийся мужик направил указательный палец в сереющее зимним рассветом небо, — только не нашего ума это дело.

В разговор вмешался третий:

— Нашли о чём спорить! Вы бы лучше мозгами раскинули, где нам бухла раздобыть.

Дальше Плетнёв уже не слушал. Для него было ясно: сплетен не остановить, а с очевидцами события надо работать, чтобы эти сплетни не подогревались. Уже не таясь, он направился к группе мужчин.

— Товарищи, а что здесь случилось? — с самым невинным видом задал вопрос Плетнёв.

Услышав такое обращение, мужики с удивлением уставились на него, но разглядев в Плетнёве человека интеллигентного, при галстукке, снисходительно ответили, кивая в сторону дома:

— Там девка с иконой танцевала и окаменела.

— Прямо сейчас придумали? — издевательски хмыкнул Плетнёв, наблюдая, как у мужиков, которые сами ещё недавно сомневались, от возмущения вытянулись физиономии.

— Вали-ка ты отсюда, коли честным людям не веришь.

Плетнёв, ожидая подобной реакции, не оскорбился, а, улыбнувшись, спросил:

— А разве кто-нибудь видел?

— Ну, я видел, доволен? — Очевидец, отделившись от друзей, угрожающе приблизился к Плетнёву.

Но тот не стушевался:

— Это вам просто показалось, дорогой товарищ.

* Служба наружного наблюдения.

Опешив от такой наглости, мужик уставился на Плетнёва, не зная, как на это реагировать.

— А если по мусалам, за оскорбление недоверием? — наконец, нашёлся он.

Капитана это предложение несколько не смутило. Ему надо было этого человека как-то отделить от компании и поговорить по душам, пока тот не успел смыться, — ищи потом ветра в поле!

— По мусалам можно, но лучше давай спорить на бутылку, что там никакой окаменевшей бабы нет, — предложил неожиданно Плетнёв.

Все уже с интересом и даже с уважением посмотрели на интеллигента, повернувшегося к ним неожиданной стороной, такой понятной и близкой, и дружно загадали:

— Давай, Семён, спорь! Видишь, выпивка к нам сама подкатила.

Один из друзей разнял руки спорщиков.

— Ну, пошли, — кивнул в сторону дома Плетнёв.

— А мусора?

— А я знаю волшебное слово.

— Во как, — засмеялся мужик, — тогда пошли.

Перегородившему дорогу сержанту Плетнёв сунул под нос удостоверение в раскрытом виде и вошёл в дом, пропуская впереди себя спорщика.

Вышли они минут через пятнадцать уже втроём, вместе с Козыревым. Плетнёв дружески хлопнул мужика по плечу:

— Иди, Захаров, да повинись перед своими дружками, что разыграл их. И помни: будешь болтать — поедешь так далеко, что туда даже письма не доходят.

— Да понял я, — буркнул мужик и пошёл к своим товарищам.

Плетнёв в задумчивости почесал переносицу и весело посмотрел на Козырева:

— Ну, что младший лейтенант, впечатлила тебя картина?

— Да уж, — глубокомысленно произнёс Козырев, — но как такое может быть?

— Что и говорить, мир полон загадок. Но ты не ломай себе голову, у нас с тобой сейчас задача банальная: законопатить дыры.

— Какие дыры? — не понял Козырев.

— Чтобы корабль течь не давал, — хохотнул Плетнёв. — Поехали к смежникам, а нашим передай моё распоряжение: пока пусть здесь потопчутся.

То, что случилось в эту ночь, Вадима Болонкина не просто потрясло, а буквально перевернуло ему всю душу. Жизнь человеческая теперь представлялась ему этакой космической карточной игрой. Карты человеку раздаёт сам сатана. Играть с ним бесполезно, потому как сатана играет нечестно, передёргивает. Как ни старайся, а у тебя обязательно будет или недобор, или перебор. А это означает только одно: смерть. И смерть не только тела, но и души. То, что душа у человека есть, Вадим не сомневался. Болеть может только то, что есть на самом деле. А душа, она ведь и болит, и радуется, и тоскует. Разве может болеть, например, идея или выдумка?

Вот сегодня в его доме и случился перебор. Взять с божницы икону и пойти с нею танцевать — это явный перебор. Для Вадима было непонятным не то, что Зоя застыла с иконой, окаменела, а то, что при этом она осталась жива. Потусторонние силы не испепелили девушку. Они пожалели её. Вот это и потрясло Вадима до глубины души. Что же это выходит? Значит, Бог не хочет гибели даже грешников, а хочет, чтобы они вразумились. А вот дьявол-то, наверняка, желает одного — гибели человека.

Такие мысли бродили в голове Вадима Болонкина по кличке Умник, когда они с Ларисой шли домой к матери Зои, чтобы поведать ей о случившемся. Полтора часа их продержали в отделении милиции. Снимали показания и составляли подробные протоколы всего происшествия. Потом отпустили, но предупредили, что они могут ещё понадобиться для уточнения каких-нибудь деталей.

Вадим Болонкин хоть и слыл среди уголовников Куйбышева козырным пацаном, но как-то не очень вписывался в их блатную компанию. Какая-то

“неправильность” в нём замечалась. Дело даже не в том, что Болонкин любил читать книги, за что и получил кличку Умник. Странности у любого блатного могут быть. Так, например, Филин, знатный домушник*, был просто помешан на музыке. Да только не на блатных песенках, а классику любил. На этом один раз и погорел. Залез в квартиру директора театра Оперы и балета, а там патефон с пластинками. Филин не удержался, поставил реквием Моцарта, да так заслушался, что взяли его, голубчика, тёпленьким, прямо возле патефона.

У Умника была другая странность. Карманником он был классным. Просто мастер своего дела. Лопатник** у лоха стырит на раз, а на два сунет назад в тот же карман, но уже очищенный от кушор. Вот только очищал он исключительно солидных клиентов, а старушек-пенсионерок не трогал. Такая избирательность вора была непонятна. Щипать жирных гусей и сложнее, и опаснее, чем старух. С ними всё просто: бритвой по сумке чиркнул, и кошель сам тебе в руки валится.

Вторая же странность, замечаемая за ним, состояла в том, что он совсем не ругался матом. По фене Умник ботал***, как заправский уркач****, но матерщины не любил. Вот до чего доводит чтение умных книг!..

Вадим шёл молча, а Лариска всё причитала:

— Ну, зачем, зачем она это сделала? Я же ей говорила: “Зойка, что ты творишь? Бог ведь накажет!” А она: “Вот пусть и накажет, если Он есть!” Да разве нам дано знать, что там есть, а чего нет? Разве можно с такими вещами шутить? Ой, глупая девка, глупая! Ну, подумаешь, парень не пришёл! Да при её-то красоте таких можно хоть сотню закадрить! Что мы теперь Анастасии Егоровне скажем? Она ведь с ума сойдёт от такого. Вадим, да что ты всё молчишь, мне страшно, а он молчит!

Болонкин остановился и задумчиво посмотрел на подругу.

— Слушай, Лариса, а ты молнию видела?

— Не помню. Я от страха чуть сама не умерла. А что?

— А я видел, сверкнуло что-то, а потом вроде гром. У меня тогда мысль промелькнула, что Зойка твоя сгорит, а вместе с нею и все мы.

— Да Бог с тобою, — испуганно проговорила Лариса, — мы-то за что? Мы с иконой не танцевали.

— Тоже мне, святоша нашлась. У тебя хотя бы крестик на груди есть?

— Нет, — испуганно схватилась Лариса за грудь.

— Не тушуйся. У меня крестик есть, да грехов не счесть. Это, Лариска, нам предупреждение.

— Вадик, ты меня опять пугаешь. Какое предупреждение?

— А такое, что надо бы в церковь сходить.

В окнах дома, где жила Зоя Карнаухова, горел свет.

— Видишь, — прошептала Лариса, — не спит Анастасия Егоровна, ждёт. И что мы ей скажем?

— А что есть, то и скажем, — Вадим решительно направился к двери.

Стучать долго не пришлось. Дверь тут же распахнулась. Анастасия Егоровна увидела Ларису с незнакомым молодым человеком и в испуге прижала обе руки к груди:

— А Зоя где? Что с ней?

— Она в его доме стоит, — растерянно ответила Лариса, показывая на Вадима.

— Стоит? — удивлённо переспросила Анастасия и перевела взгляд на Вадима.

Тот, решительно отстранив Ларису, шагнул к двери.

— Да вы не волнуйтесь, мамаша. Ваша дочь жива. А почему стоит, мы вам сейчас расскажем.

* Домушник — квартирный вор.

** Лопатник — бумажник, кошелёк.

*** Ботать по фене — разговаривать на воровском жаргоне.

**** Уркач (урка, уркаган, уркан) — опытный уголовник.

— Ой! Да что это я? Проходите, пожалуйста, — спохватилась Анастасия Егоровна.

Они прошли и, не раздеваясь, присели к столу. После того как Вадим заверил Анастасию Егоровну, что они ей всё расскажут, Ларису буквально распирало от нетерпения рассказать всё самой. Боясь, чтобы Вадим не опередил её, она торопливо начала:

— Так вот, Анастасия Егоровна, собрались мы, значит, отмечать Старый Новый год у него в дому, — она указала на Вадима, — а Зояин ухажёр, мастер-практикант из нашего цеха, не пришёл. Хотя до этого обещал, я сама слышала. Ну, мы, как полагается, посидели за столом, а потом и танцевать стали. Мы танцуем, а Зоя одна сидит. Вижу, переживает девка. Ну, я Вадима и попросила, чтобы он Зойку тоже танцевать пригласил. У меня-то что, убудет разве? А подругу жалко. Вадим к ней и так, и этак, а она ни в какую. Николая, говорит, своего буду ждать. Ну, и сидела так весь вечер, ждала. А потом вдруг вскочила, подбегает к божнице, хватается икону и говорит: “Если ко мне тот Николай не пришёл, так я с этим Николаем танцевать буду”. Только один круг с иконой и прошла, а потом как громыхнет что-то и свет погас. Мы чуть со страху не померли. Друг Вадима, Олег, тот сразу сообразил, что пробки выбило. Так оно и оказалось. А когда свет включили, смотрим, стоит наша Зойка с иконой и не шелохнётся. Мы к ней, а она, ну, вот как есть, каменная.

Прибыв в Ленинский райотдел милиции, Плетнёв с Козыревым первым делом изучили протоколы опроса участников злополучной вечеринки. Картина сразу прояснилась. Вместе с Зоей было всего пять человек. Болонкин Вадим и его подруга Крапивина Лариса, упаковщица 8-го цеха трубного завода. Вторая пара: Буланов Олег, электрик из РСУ-7 и его подружка Пряжкина Галина, формовщица хлебобулочного комбината. Шестым, как следует из опроса Крапивиной, должен был быть Николай Трошкин, мастер 8-го цеха трубного завода. Интересно, почему же он не пришёл? Надо бы выяснить.

Плетнёв выписал в блокнотик домашние адреса всех участников вечеринки и тут же отправил Козырева по адресам Буланова и Пряжкиной. Затем попросил лейтенанта Мельникова снять копии со всех протоколов и поспешил к месту проживания Ларисы Крапивиной. Там он рассчитывал встретить и Вадима Болонкина.

К его разочарованию, Ларисы дома не оказалось, а значит, непонятно, где разыскивать Болонкина. Поразмыслив над этой задачей, Плетнёв пришёл к выводу, что эта парочка могла пойти к матери Карнауховой Зои. Коли Лариса подруга Зои, то постарается навестить мать, чтобы сообщить о случившемся с её дочерью несчастье.

Подоспел он вовремя. Анастасия Егоровна с Вадимом и Ларисой как раз выходили из дома. Обрадованный такой удачей, капитан, не таясь, пошёл им на встречу.

— Здравствуйте! Вы мама Зои Карнауховой? — и, не дожидаясь ответа, тут же добавил: — Я вас подвезу к дочери, если не возражаете.

Вся троица в недоумении воззрилась на Плетнёва и, хотя Вадим уже догадывался, из какого ведомства нарисовался этот улыбчивый субъект, всё же спросил:

— А, собственно, кто вы такой будете?

У Плетнёва было хорошее настроение, и он продолжил в том же духе:

— Умный вопрос, гражданин Умник, то есть простите, гражданин Болонкин. Вот прибудем на место, вам всё и разьяснят.

— Чего разьяснять? Мы всё рассказали в милиции, под протокол.

— Протоколы я читал, но надо бы кое-что уточнить.

— Никуда я не пойду, я спать хочу, — насупился Вадим.

— Я к вам, Вадим Сергеевич, по-доброму, а вы сразу в отказ, нехорошо, — Плетнёв осуждающе покачал головой, — я же и по-другому могу, только зачем это вам?

По дороге к дому на Чкалова Плетнёв всё обдумывал, как же ему поступить с матерью Зои. С Болонкинским всё ясно, урка — он и есть урка. Такого

можно, не церемонясь, упрятать, коли будет на то необходимость. Да и с его подругой, Лариской, сложностей нет. А вот как быть с матерью? В своём материнском горе разве будет она молчать? Нет, не будет. Обязательно станет искать, чем дочери помочь, и первым делом к понам пойдёт.

Проблема, над которой ломал голову Плетнёв, неожиданно разрешилась сама собой. Увидев Зою, стоящую с иконой, Анастасия Егоровна тут же лишилась чувств.

Плетнёв такой удобный случай не упустил. Он вызвал “скорую” и отправил Анастасию Егоровну в больницу, да не простую, а в такую, где она будет под постоянным надзором.

В это раннее воскресное утро секретарь Куйбышевского епархиального управления, Андрей Андреевич Савин, бодро шагал по улице Чкалова, направляясь на службу в храм. Свою секретарскую должность он неизменно сочетал с иподиаконским служением при Куйбышевском епископе Иерониме. Сегодня владыка должен был служить в Петропавловской церкви, вот Андрей Андреевич и спешил в храм, чтобы загодя подготовить всё к встрече архиерея.

Обычно улица Чкалова в семь утра, да ещё и в воскресный день была малолюдна, а потому толпа людей у дома напротив зеркального цеха весьма удивила епархиального секретаря. Он пригляделся внимательно, не горит ли дом. Но пожара не наблюдалось. Может быть, похороны? Так и для них вроде бы время раннее. Как ни торопился Андрей Андреевич, но любопытство взяло вверх, и он остановился, чтобы выяснить, по какому случаю собрались люди.

Прислушиваясь к разговорам в толпе, Андрей Андреевич пытался понять, что же здесь произошло. Тут он заметил Пелагию Петровну, певчую левого клироса Петропавловской церкви. Подойдя к ней сзади, он наклонился к уху женщины и вполголоса проговорил:

— Доброе утро, Пелагия Петровна. Вы меня не просветите, что здесь происходит?

Женщина вздрогнула от неожиданности и обернулась. Увидев секретаря епархии, просветлела лицом.

— Ах, батюшки, Андрей Андреевич, это вы. Тут такая страсть происходит, что у меня аж мурашки по коже.

— И что же это за страсть?

— Да самая что ни на есть натуральная страсть, — Пелагия Петровна понизила голос чуть не до шёпота. — Вот в этом доме святотатство произошло. Но, слава Тебе, Господи, святой Никола Угодник чудо явил... —

При этих словах Пелагия Петровна перекрестилась, боязливо оглядываясь по сторонам. Затем певчая, хоть и сбивчиво, поведала о том, что сама слышала от людей.

Рассказ Пелагии Петровны на Андрея Андреевича произвёл двойное впечатление. Хотелось бы верить в произошедшее чудо, да в то же время одолевали сомнения: может, люди что-то напутали или изрядно приукрасили, а на самом деле всё обстоит гораздо проще, если не сказать банально. Ну, выпила молодёжь лишку и стала куролесить. Могли и икону взять, а в это время кому-то плохо стало, вот и пошли разговоры.

В конце концов, Андрей Андреевич решил, что дыма без огня не бывает, и раз охраняют дом с милицией, то действительно произошло что-то из ряда вон выходящее. С этими тревожными думами он и направился в храм.

О случае на Чкаловской секретарь поведал владыке только после причастия. Епископ воспринял услышанное с нескрываемой тревогой.

— Я тебя, Андрюша, вот о чём попрошу. Ты поговори, пожалуйста, с каждым священником отдельно. Бог весть, что там произошло, может, и ничего, а может, ещё того хуже — провокация какая. Словом, чтобы ни один священник и близко к тому дому не подходил. Да ещё накажи, пусть языком лишнего чего... Ну, ты меня понял.

— Благословите, владыка, поговорю с каждым. У нас, слава Богу, духовенство понятливое, — заверил архиерея Андрей Андреевич.

Архиерей проводил Савина тёплым взглядом. Своего тридцатипятилетнего секретаря епископ Иероним любил, как сына, и полностью доверял ему. Об Андрее Андреевиче он знал всё: и что тот воспитался и вырос в благочестивой православной семье, и что он уже с семилетнего возраста прислуживал в храме. А в четырнадцать лет стал иподьяконом в единственном оставшемся православном храме Оренбурга. Когда же в 1937 году арестовали Оренбургского епископа Алексия (Кононова) и всё духовенство, бесстрашный юноша поехал в Москву выпрашивать для Оренбурга священника.

В 1938 году Оренбург переименовали в Чкалов и закрыли последний действующий храм в городе. Андрей Андреевич успел вынести из храма и спрятать икону Божией Матери "Семистрельная", шесть ковчегцев с мощами, антиминс, два серебряных креста, Евангелие, кадило, серебряные архиерейские трикирий и дикирий, посох и облачения.

В 1940 году Андрей Савин окончил Чкаловский трехгодичный учительский институт и был призван в армию. Началась война, и он оказался на Ленинградском фронте. Прошёл всю войну. В каких только переделках не побывал, но остался жив, получив лишь лёгкую контузию. Спасала молитва. В гимнастёрку Андрей зашил нательный крестик, а под обложкой англо-русского словаря спрятал образок Иверской иконы Божией Матери.

В мае 1945 года Андрей Андреевич возвратился домой с орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени и медалью "За отвагу". Ни минуты он не колебался, какой ему выбрать жизненный путь, — только служение Богу.

Работу со свидетелями необычного происшествия Плетнёв закончил лишь к восьми утра. Устал страшно, но был крайне доволен, что справился. Расписки о неразглашении взял со всех, даже с врачей "скорой помощи". Вот только с работниками милиции вышла осечка. Подполковник Тарасов заартачился.

— У тебя, капитан, своё начальство, у меня — своё. Решат между собою, тогда и будем бумажки писать. А пока я всех своих и так предупредил о служебной ответственности. Если сотрудникам милиции не доверять, то тогда кому ещё? Мы своё дело знаем, нам и самим тут лишний шум не нужен.

Хотел уже Плетнёв ехать докладывать начальству о проделанной работе, да тут вспомнилось ему, что на вопрос, откуда Болонкин звонил в "скорую", тот ответил, что звонил со служебного телефона зеркального цеха, что напротив их дома.

"Надо бы и сторожа поспрашивать", — устало подумал Плетнёв и, тронув шофёра за плечо, сказал:

— Давай, Петя, снова на Чкаловскую.

В двери зеркального цеха пришлось стучать долго. "Спит, небось, ханырик", — сердито подумал Плетнёв и вновь забарабанил кулаком. За дверью раздался сердитый голос:

— Ну, чего стучишь? Слышу. Хромой, но не глухой, только вот всё ду- мал, когда же надоест тебе о двери кулаки чесать.

— Открывайте, Комитет государственной безопасности.

— А по мне — так хоть министерство путей сообщения. Написано же на двери — "Воскресенье — выходной день". Завтра будет начальство, вот и приходите. А я всего лишь сторож, понятно?

Плетнёв несколько обиделся, что его ведомство сравнивают с каким-то министерством путей сообщения. Обычно при упоминании комитета безопасности люди испытывают если не страх, то, по крайней мере, уважительное внимание. А тут на тебе — никакого пиетета!

— Вот вы мне как раз и нужны.

Наступила пауза, затем щёлкнула задвижка, и дверь слегка приоткрылась. На капитана в щель смотрел строгий взгляд усатой физиономии.

— Покажите удостоверение, — сказал усач, продолжая сверлить взглядом капитана.

Плетнёв достал удостоверение, раскрыл его на мгновение и снова убрал в карман.

— Не так быстро, — спокойно сказал сторож, — я читаю вдумчиво. У вас служба, и у меня служба, а может, вы налётчик какой, зеркала хотите умыкнуть или ещё чего.

Плетнёв досадливо крикнул и снова полез за удостоверением.

— И пальчик уберите, а то фамилию прочесть не могу.

“Да он просто издевается надо мной”, — возмутился про себя Плетнёв, но волю чувствам давать не стал, а как можно мягче сказал:

— Ну, теперь вы меня впустите?

— Не имею право на охраняемый объект впускать посторонних, — с лёгким смешком ответил сторож.

— Что, и даже из министерства путей сообщения? — в тон ему парировал Плетнёв.

Усатая физиономия сторожа при этом расплылась в улыбке.

— А ты шутник, капитан, уважаю. Заходи, — и Кузьма Петрович раскрыл дверь.

В зеркальном цеху Плетнёв просидел двадцать минут. За это время он успел составить протокол опроса свидетеля, который Кузьма Петрович, не обинуясь, подписал. А вот давать расписку о неразглашении сторож наотрез отказался.

— Я, товарищ капитан, такой бумаги подписывать не буду. Опрос — это одно дело, это законно. Давать же расписку о неразглашении не вижу причины. Какая тут может быть государственная тайна? Я и так вам могу обещать, что болтать лишнего не буду. Служил в полковой разведке, молчать умеем.

— Вот ты бывший разведчик, герой войны, так сказать, а человек несознательный. Да пойми ты, Кузьма Петрович, та война закончилась. Сейчас другая идёт — за души людей, ты это хоть понимаешь?

— Трудно тебя понять, товарищ капитан, — с иронией ответил Кузьма Петрович, — ты же в душу не веришь, а говоришь, что за души война идёт?

— Да это так, выражение такое. Ну, не за души, так за умы людей. Подумай сам, как этот случай могут использовать церковники и прочие несознательные элементы? Скольких неокрепших соблазнят на путь религиозного дурмана.

— Эх, капитан, капитан, молод ты ещё! Я лично — человек, далёкий от религии, хотя мама моя в этом, как ты изволил выразиться, “религиозном дурмане” пребывала всю свою сознательную жизнь и при этом была добрым и честным человеком. Все её уважали: и соседи, и на производстве.

— Так это же от неграмотности! Тут вины твоей мамы нет. Но мы-то с тобой люди грамотные, думать должны.

— А маршал Жуков как, по-твоему — человек грамотный?

— Без сомнения, — ответил капитан, удивлённо посмотрев на сторожа.

— А знаешь ли ты, что, когда мы Киев у немцев взяли, а кровушки там много русской пролилось, так маршал Жуков первым делом повелел попам молебен по случаю освобождения Киева служить. Сам лично в храме стоял со всем своим штабом.

— Ну, это же для политики, — поморщился Плетнёв, — чтобы людей, замученных в оккупации, поддержать морально. Да и к чему ты эту речь ведёшь?

— А к тому, капитан, что по мне так религия никому не мешает.

— Нет, Кузьма Петрович, мешает. Религия уводит нашего советского человека от деятельной жизни, от борьбы за светлое будущее всего человечества. Ну, давай не будем дебаты устраивать. Ты должен понять, что это я не сам придумал. С меня тоже начальство спросит, почему я расписку о неразглашении с тебя не взял.

— Да так и скажи начальству, что я отказался.

— И не боишься неприятностей?

— Эх, капитан, я уже своё отбоился.

— Ну, смотри, тебе виднее, — Плетнёв встал со стула и направился к вешалке за пальто.

— Капитан, — обратился ему в спину Кузьма Петрович, — помоги девушке.

— Чем я ей помогу? — удивлённо спросил Плетнёв, оборачиваясь к строю.

— Не знаю, чем. Может быть, какого-нибудь медицинского светила позвать, ну, раз наши врачи не справляются. В конце концов, что-то же можно сделать, она ведь страдает.

Плетнёв внимательно смотрел в глаза Кузьмы Петровича. “А ведь этот одноногий переживает так, словно его родная дочь там стоит. Странно. Поймай, а ведь он наверняка был в доме и видел девушку, однако для протокола скрыл этот факт. А вот мы сейчас этот вопрос и проясним”.

— Так чего же ты, Кузьма Петрович, не сказал мне, что побывал уже в доме?

— Так ты и не спрашивал о том, — с невинным видом пожал плечами Сапожников.

— Так говоришь, в полковой разведке служил? Верю. А кем тебе эта девушка приходится?

— А что, если не приходится, так и пожалеть нельзя?

— Пожалеть можно. И мысль твоя про светило науки верная. Надо же как-то всё это непонятное явление объяснить с научной точки зрения, а иначе бред какой-то получается.

После ухода Плетнёва Кузьма Петрович сидел ещё некоторое время в глубокой задумчивости. Этой ночью он действительно побывал в доме Болонкина ещё до прибытия “скорой помощи”. Долго вглядывался в неподвижное лицо девушки, пока не понял, что она не только жива, но и видит, и слышит, и очень мучается. Очень! При этой догадке сердце старого солдата сжалось от сострадания, и он, протянув руку, дотронулся до её головы. Волосы были мягкими. Кузьма Петрович погладил их своей шершавой ладонью и с состраданием произнёс:

— Бедная девочка, что же ты наделала над собою?

У него самого детей никогда не было. Да и жены, собственно, тоже. До армии жениться не успел. Затем финская, потом Великая Отечественная. Несмотря на то, что вернулся с фронта калекой, находилось немало женщин, которым он нравился. Но семьи так и не сложилось.

Написав отчёт, Плетнёв позвонил полковнику Панину домой. Тот выслушал доклад и коротко бросил:

— Ко мне с отчётом в понедельник, а пока держи обстановку под своим контролем. Отвечаешь за всё головой. Продолжай работать, а выходные дам тебе после закрытия дела по “Стоянию”.

“Вот так, — подумал Плетнёв, положив трубку, — уже и название делу определили”. Он придвинул к себе папку с протоколами и отчётом и крупно написал на её обложке “СТОЯНИЕ”, взяв это слово в кавычки. Затем набрал по телефону номер уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Куйбышевском облисполкоме Никифорова Ильи Прокопьевича.

— Я слушаю, — раздался в трубке солидный голос.

— Здравствуйте, Илья Прокопьевич, это Плетнёв. Извините, что беспокою в выходной день, но надо бы встретиться, обсудить одно обстоятельство.

— Это по случаю на Чкаловской?

— Вы уже в курсе? — удивился Плетнёв.

— А ты как думал? Тебе ли не знать, Сергей! Ладно, давай подгребай ко мне на работу, минут этак через пятнадцать.

Никифоров когда-то был непосредственным начальником Плетнёва, а потому даже теперь, выйдя в отставку в звании полковника КГБ, к своему бывшему подчинённому относился начальственно-покровительственно, по-отцовски обращаясь к нему на “ты”.

Плетнёв прошёл по ворсистому ковру до середины кабинета и только тогда Никифоров, до этого барственно сидевший в кресле с резными подлокотниками, как бы нехотя встал и сделал два шага навстречу капитану, чтобы позвать тому руку.

Просторный и светлый кабинет уполномоченного, с большим письменным столом и старинным книжным шкафом, всегда приводил Плетнёва в чувство мечтательной зависти. “Хорошее местечко к пенсии выбил себе Илья Прокопьевич, — думал Плетнёв, пожимая руку хозяина кабинета, — попов строить — дело нехитрое”.

— Давай, Сергей, присаживайся к столику на диван, потолкуем.

Поскольку день был не рабочий, то в отсутствие секретарши Никифоров сам демократично стал накрывать на стол нехитрые закуски в виде порезанной кружочками копчёной колбасы и ломтиков сыра. Подойдя к сейфу, он вынул из его железного нутра бутылку армянского коньяка.

— С этим напитком лучше думается, — щёлкнул Никифоров пальцем по этикетке с пятью звёздочками, — а подумать, Серёжа, есть над чем.

Никифоров присел к столу и, открыв бутылку, разлил коньяк. Взяв свою рюмочку, он отвалился на спинку дивана и пригубил немного коньяку.

— Чувствую, вся эта история осложнит нам жизнь. Тут к бабке не ходи.

Он выпил свой коньяк, не чокаясь, и, как бы спохватившись, предложил, указывая на стол:

— Ты давай не стесняйся, выпивай, закусывай.

Плетнёв, не чинясь, выпил и стал закусывать, а Никифоров, как бы между прочим, спросил:

— Сам-то ты что обо всём этом думаешь?

Пережёвывая закуску, Плетнёв сделал вид, что задумался, хотя ответ у него уже был готов заранее:

— По моему мнению, произошло непонятное для науки явление, которое может быть использовано религиозными фанатиками для своей пропаганды.

— Правильно мыслишь, товарищ Плетнёв, — усмехнулся Никифоров, вновь разливая коньяк, — но не это меня сейчас беспокоит. Непонятное, да и Бог с ним. Только больно неудачное время выбрала эта Карнаухова для того, чтобы окаменеть. Областная партийная конференция через три дня, а тут словно диверсия, понимаешь ли. Самое гнусное во всём этом деле то, что застывшую девку невозможно увезти из дома. Хотя я твоему Панину подкинул идейку: со всех очевидцев взять подписки о неразглашении, да вряд ли это сильно поможет. Слухи по городу всё равно расползутся. А значит, нездоровый ажиотаж среди населения нам обеспечен.

Уполномоченный посмотрел на свою рюмку с коньком, а затем перевёл взгляд на Плетнёва.

— Слушай, Сергей, может, в вино этой девице что-нибудь подсыпали, а? Ты проверял? — белесые глаза уполномоченного смотрели на капитана, не мигая.

— Вино и закуски уже на экспертизу отправили, результаты завтра будут. Но у меня вот ещё какая мысль, Илья Прокопьевич. Надо бы вызвать какого-нибудь крупного учёного, чтобы он мог с научной точки зрения объяснить, что же произошло на самом деле.

— Об этом я уже думал. Учёного мы найдём и всё объясним. Только вот невежественным массам, обуюнным жаждой видеть чудо, эти объяснения учёного, что мёртвому припарка. Им, Серёжа, вообще никаких объяснений не надо. Им вынь да подай каменную девку, а уж объяснение они сами найдут. Кстати, сколько там сейчас народу кучкуется?

— Человек тридцать-сорок. В основном жители близлежащих домов, — ответил, не задумываясь, Плетнёв.

— Ясно. “Сарафанное радио” начало свою работу, но диапазон ещё велик. А почему?

— Так ведь сегодня воскресенье.

— Правильно мыслишь, товарищ капитан. А вот завтра, когда эти люди придут к себе на работу, оно и начнётся. Руку даю на отсечение, что к вечеру этот случай на Чкаловской станет достоянием всей Безымянки*, а во

* Безымянка — народное название промышленных районов Куйбышева, где в ВОВ был построен эвакуированный из Воронежа авиационный и другие заводы.

вторник об этом уже будет судачить весь город. Вот тогда-то и наступят для нас весёленькие деньки. Соберутся у того дома такие толпы народа, что мама не горюй. И что тогда прикажешь первому докладывать? Что мы ему скажем? Извините, мол, товарищ Ефремов, но произошло незапланированное чудо, которое, по авторитетному мнению учёных, вовсе и не чудо. И куда он нас с тобою пошлёт с этими объяснениями?

— Тогда, Илья Прокопьевич, надо как можно быстрее найти способ увезти подальше эту Зою Карнухову, а до того держать дом под усиленной охраной и принять все меры против скопления народа.

— Под охраной дом можно держать сколько угодно, но вот насчёт народа я сильно сомневаюсь. Логика-то простая: охраняют, значит, там действительно есть что скрывать.

— А что мы можем ещё сделать? — устало сказал Плетнёв, отваливаясь на спинку дивана.

— Работать, Серёжа, работать. Ты устрой контрпропаганду, ну, что мне тебя учить? Зашли в толпу своих людей, пусть говорят, что всё это выдумки, что, мол, они сами видели, что нет там никакой каменной девки. Ну, и всё в этом ключе. А насчёт научного объяснения учёного я уж сам позабочусь. Есть у меня в Москве один очень хороший знакомый — профессор Нижегородский. Это тебе не хухры-мухры, а настоящий учёный, материалист до мозга костей. Вот мы ему командировочку через общество распространения научного знания и выдадим. Пусть здесь, на месте и кумекает, как всё это объяснить согласно науке. Главное же, как нам эту девку из дома убрать. В крайнем случае, можно будет епископу позвонить. Чтобы он с амвона объявил народу, будто всё это выдумки, а на самом деле там никто не стоит. Это будет, пожалуй, самый продуктивный контраргумент.

— А епископ согласится? Ведь этот случай церковникам на руку.

— Иероним-то? А чего ему возражать? Не в его интересах. В своё время наш почтенный архиерей четыре года на Беломорканале киркой махал. Надеюсь, это весьма способствует здравомыслию.

В этот раз, перед тем как выпить, они чокнулись. Никифоров пососал дольку лимона и вдруг неожиданно рассмеялся. На вопросительный взгляд Плетнёва махнул рукой.

— Да так, вспомнил, как мы пару лет назад с этим профессором Нижегородским в Москве поспорили. Он мне говорит: “Для меня, Илья Прокопьевич, не существует никакого явления, которого я не смогу обнаружить с помощью современных приборов. Значит, и Бога для меня не существует”. А я ему говорю: “Так выходит, для тебя, Константин Фёдорович, и любви не существует, ведь её тоже никакими приборами нельзя обнаружить”. А он мне, знаешь, что отвечает?

— Что? — заинтересованно переспросил Плетнёв, пережёвывая бутерброд с сыром.

— И любви, говорит, тоже не существует, это просто физиологическое влечение полов. Вот уж рассмешил меня профессор, — самодовольно рассмеялся Никифоров. — Я-то хорошо помню, как он сам, ещё будучи студентом, страдал от неразделённой любви. Да, кстати, его студенческая пассия нынче в нашем мединституте преподает.

Сказав это, он вдруг озорно подмигнул Плетнёву:

— А вот возьму я, Серёжа, да и устрою им встречу здесь. Пусть меж собою и поговорят о том, что любви не существует.

Какое-то время Никифоров сидел молча. Плетнёв тоже молчал.

— Впрочем, всё это лирика, — сказал Никифоров, вставая из-за стола, — расслабляться нам не след. Давай, капитан, работай и держи меня в курсе. Одно дело с тобой делаем.

Весь оставшийся воскресный день 15 января для сторожа зеркального цеха Сапожникова Кузьмы Петровича прошёл спокойно. Он несколько раз выходил покурить на улицу и видел, как на противоположной стороне улицы собираются группами люди и что-то горячо между собою обсуждают. Однако никаких особых эксцессов не наблюдалось, хотя к вечеру народ запрудил

почти всю улицу. Да и самому Кузьме Петровичу было не до этих людей. Он всё вспоминал девушку, застывшую с иконой в руках.

Как ей помочь? Что может он, коли врачи ничего не смогли сделать? А может, не смогли потому, что от медицины здесь ничего не зависит? Но если это так, то от кого тогда зависит?

Ответ напрашивался сам собой: зависит от Того, Кто чудесным образом остановил этот безумный танец с иконой. Но Кузьме Петровичу трудно было принять такой ответ. Безбожником он себя не считал, да и верующим тоже. Верующий в его понятии был не тот, кто просто верит в существование Бога, а тот, кто ходит в храм, молится, постится. Ничего этого Кузьма Петрович не делал. Существование Бога он вполне допускал, но как-то отстранённо. Бог для него был где-то очень далеко. Так далеко, что Ему нет никакого дела до человека с его мелкими земными заботами. Теперь же это непостижимое происшествие с девушкой словно устранило расстояние между Богом и человеком.

Кузьма вспомнил, как в детские годы мама водила его в церковь на причастие. Сердце сладостно защемило от этих далёких воспоминаний. Утомлённый бессонной ночью и тревожными дневными раздумьями, Кузьма Петрович не заметил, как задремал.

Во сне он продолжал идти с мамой за руку в церковь. При этом он был уже взрослым мужчиной сорока пяти лет, а радовался, как ребёнок, что идёт с матерью. Он понимал, что это сон, и боялся только одного: как бы ему не проснуться. Хотелось как можно дольше побыть с мамой. Они шли молча. Мама поглядывала на его протез и улыбалась, а Кузьма Петрович почему-то стеснялся своего вида. Вот такой сон...

В церкви Петра и Павла вечернее богослужение уже подходило к концу. Вначале Кузьма Петрович долго не решался войти и в какой-то момент даже собирался развернуться назад, но в это время двери храма раскрылись. Вышла женщина. Пока она выходила, он успел увидеть в дверном проеме мерцающие перед иконами лампы. Это почему-то придало ему решимости, и он вошёл в церковь.

Почти весь храм был заполнен людьми. Заметив прилавок свечного ящика, Кузьма Петрович протиснулся к нему и взял три свечи. Шёпотом спросил у свечницы, где икона Николая Угодника. Она ему указала рукой. Кузьма Петрович стал протискиваться между прихожанами в нужном направлении. На него недовольно оборачивались, но, замечая протез, тут же с готовностью отступали, давая дорогу.

Пробравшись к иконе святителя Николая, Кузьма Петрович с огорчением увидел, что весь подсвечник уже занят горящими свечами. Он повертел свои свечи в руке, не зная, как поступить. Пожилая женщина в тёмном платке заметила его и тут же сняла с подсвечника несколько почти догоревших свечек.

Кузьма Петрович стал поджигать свои от других свечей. Делал он это неумело. Свеча не загоралась, да ещё и тушила те свечи, от которых он пытался её зажечь. Женщина у подсвечника сердито наблюдала за ним. Потом, не выдержав, взяла у него свечи, ловко зажгла и поставила на подсвечник. Он облегчённо вздохнул.

Вечерняя служба закончилась, народ выходил из храма, а Кузьма Петрович всё стоял перед иконой. Молитв он никаких не знал, а потому просто стоял, решив, что пусть его стояние и будет молитвой. Та женщина, что поставила ему свечи, теперь чистила подсвечник, смазывая его лампадным маслом. Она косилась на него, но уже не сердитым, а сочувственным взглядом. Наконец спросила:

— Умер у тебя кто али заболел?

— Заболел, — вздохнув, ответил Кузьма Петрович и заковылял к выходу.

— А как имя-то?

— Моё? — остановился Кузьма Петрович, повернувшись к женщине.

— Зачем твоё? Того, кто заболел.

- Не знаю, — растерянно ответил он.
— Вот чудак-человек! За кого же ты молился, коли имени не знаешь?
— Он знает, за кого, — указал Кузьма Петрович на икону святителя

Николая.

Женщина растерянно посмотрела на икону, потом на Сапожникова и, перекрестившись, осуждающе покачала головой.

В понедельник Лариса на работу не пошла. Ещё ночью в воскресенье Плетнёв заставил её написать заявление о предоставлении трёх выходных дней в счёт отгулов. Взяв у неё заявление, Плетнёв настоятельно потребовал у Ларисы не ходить на завод, а сидеть дома, пообещав при этом, что выходные он сам утрясёт с её начальством.

Трубный завод имени Масленникова выполнял военные заказы, потому капитану КГБ было нетрудно устроить выходные Ларисе через особый отдел. Однако в понедельник уже с самого утра слухи о необычайном ночном происшествии ходили по трубному и без участия Лариски.

В обед Хазин разыскал Николая Трошкина. Комсорг был явно не в себе. На его бледном лице выступали капли пота, которые он то и дело смахивал носовым платком.

— Ну что, Трошкин, — начал он с ходу, даже не поздоровавшись, — как я понял, ты моё товарищеское предупреждение проигнорировал. Тогда извини, будем разбирать твоё персональное дело на бюро, со всей пролетарской строгостью...

— Постой, — опешил Трошкин, — что я проигнорировал?

— Не притворяйся, тебе это не поможет. Я же тебя предупреждал, чтобы ты не ходил на посиделки в этот воровской притон. А ты...

— Ты о чём это? — возмутился Трошкин. — Если насчёт приглашения отпраздновать этот, как его, Старый Новый год, так я не ходил.

— Точно? — с подозрением посмотрел на него Хазин.

— Честное комсомольское...

— Только вот не надо сюда комсомол прилетать...

— Слушай, Хазин, — озлился Трошкин, — что ты тень на плетень наводишь? Раз говорю — не ходил, значит — не ходил. Что случилось-то, в конце концов?

— Я думал, ты мне это объяснишь, — озадачился Хазин. — Тут человек из КГБ пришёл и потребовал у меня комсомольские характеристики на тебя, твою Зою и эту её подружку Лариску. Ну, я и подумал: всё, кранты Трошкину, влип парень. Кстати, тебя этот комитетчик в моём кабинете ждёт. Да смотри, лишнего чего не наговори. Я тут, сам понимаешь, с боку пришёку. Тебя, между прочим, отговаривал идти, бдительность, так сказать, проявил. А этих девок я, собственно, мало знаю. Комсомольские взносы вроде платили вовремя, — Хазин с беспокойством посмотрел на Трошкина. — Впрочем, — как бы спохватившись, добавил он, — в этой Лариске какая-то мелкобуржуазность всё же просматривалась. Вечно хи-хи да ха-ха. Твоя Зоя Карнаухова, так она, между прочим, у нас недавно работает.

— Почему моя, — встрепенулся Трошкин, — мы с ней тоже недавно стали встречаться.

— Вот и хорошо, — похлопал его по плечу Хазин, обрадованный тем, что не один он трусит. — Иди и скажи об этом товарищу из органов. Я так, например, давно уже чувствую, что пора нам ряды комсомола чистить, ох, как пора...

В небольшой кабинет комсорга Трошкин входил с замиранием сердца. За столом сидел мужчина в строгом тёмно-сером костюме, белой рубашке и галстуке.

— Проходите, товарищ Трошкин, — сказал он приветливо и широким жестом указал на стул возле стола.

Доброжелательный тон, а ещё больше обращение “товарищ”, а не “гражданин” несколько успокоили Трошкина. Правда, комитетчик не подал для приветствия руки, но это ничего. Может это у них и не положено.

Плетнёв, а это был он, некоторое время молча разглядывал Трошкина, от чего тот снова стал нервничать и, наконец, не выдержав, спросил:

— Вызывали?

— Нет, зачем же, — улыбнулся комитетчик, — не вызывал, а пригласил. Побеседовать надо.

Он достал из внутреннего кармана удостоверение и на мгновение развернул его перед лицом Трошкина:

— Капитан Комитета государственной безопасности Плетнёв Сергей Анатольевич, — представился он. — Вам представляться не надо, мы и так о вас всё знаем.

“А что, собственно, они могут знать? — панически подумал Трошкин. — Ведь ничего противозаконного я, кажется, не делал”. И тут же мелькнула неслучайная мысль, что *они* о нём знают всё, и даже то, чего он сам о себе не знает. Мысль была до того абсурдна, что Трошкин, несмотря на страх, охвативший его, невольно улыбнулся. Улыбка не получилась, а вот горькую усмешку на его лице капитан Плетнёв про себя отметил и поспешил успокоить:

— Мы не только о вас, мы обо всех всё знаем. Такая уж у нас работа — беречь государство от внутренних и внешних тайных врагов. Дело очень даже непростое, и нам бы с ним никогда не справиться, если бы не помощь сознательных граждан, а особенно таких комсомольцев, как вы. А потому...

— А что нужно? Я готов. — Обрадованный неприкрытой лестью капитана, Трошкин даже не заметил, что не дал тому договорить.

Плетнёв неприятно поморщился.

— Об этом мы ещё поговорим. Давайте для начала проясним окончательно вопрос, почему вы всё же не пошли в гости к Болонкиным?

— Да, собственно, я до этого и не знал, кто такие Болонкины. Меня о них товарищ Хазин предупредил, вот я и решил не компрометировать себя общением с такими социально-опасными элементами.

— Правильно решили, — одобрил Плетнёв, а про себя зло подумал: “Вот ведь сучий потрох нашёлся. Ему социально-опасные элементы, а нам теперь расхлёбывай эту кашу”.

— Хорошо, давайте поступим так. Сейчас вы, товарищ Трошкин, подробно напишете всё о своём знакомстве с Зоей Карнауховой.

— А что с ней? — не удержавшись, спросил Трошкин.

— С вашей подругой редчайший в медицине случай. Общая судорога мышечных тканей, ну, что-то вроде столбняка. Транспортировать в больницу пока противопоказано медициной, вот народ разную чушь и мелет. Находятся и такие, что используют любые предлоги для клеветы и распространения самых невероятных слухов. Вы пока пишете, только постарайтесь не упустить каких-либо деталей. А потом я вам расскажу подробнее.

Трошкин старательно скрипел пером и исписал аж целых три листа. Плетнёв тем временем терпеливо ждал, изучая какие-то свои записи в блокноте. Когда Трошкин закончил, Плетнёв подал ему другой лист бумаги.

— А вот здесь напишите заявление о добровольном сотрудничестве с Комитетом государственной безопасности. Сейчас я вам его продиктую. Да, кстати, заявление надо подписать каким-нибудь псевдонимом, которым вы в дальнейшем будете подписывать все ваши сообщения. Выбирайте сами.

Трошкин задумался. Он уже мнил себя разведчиком, засланным в тыл врага, а потому псевдоним должен быть каким-нибудь необыкновенным. Но Плетнёв опустил его на грешную землю.

— Чего долго думать! Ну, хотя бы, к примеру, какая девичья фамилия вашей бабушки?

— Сахарова.

— Вот и не ломайте голову, будете подписываться Сахаровым. Кстати, не вздумайте поделиться с кем-нибудь информацией о нашем с вами разговоре, даже с вашим товарищем Хазиним.

Уходя с трубного завода, Плетнёв брезгливо подумал: “Однако эти, Хазин с Трошкиным, ребяташки с гнильцой. Только вот выбирать не приходится... С кем тогда прикажете работать?”

Во вторник 17 января утром, едва Плетнёв вошёл в свой кабинет, зазвонил телефон.

— Привет, Серёжа! Как ты там, ещё не устал бороться с мракобесием? — раздался в трубке чуть ироничный голос Никифорова, уполномоченного по делам Русской Православной Церкви.

— Спросите, Илья Прокопьевич, что-нибудь полегче. Народу, как вы и предполагали, существенно прибавилось. Вчера вечером уже стояло без малого семь-восемь сотен человек, а сегодня, несмотря на раннее утро, не менее трехсот пятидесяти стоит. Что-то ещё к вечеру будет?

Никифоров грязно выругался, помолчал.

— Правильно мыслишь. Это ещё цветочки, а ягодки впереди будут. Я тебя хочу попросить, как говорится, не в службу, а в дружбу встретить на вокзале профессора Нижегородского. Сам понимаешь, в этом деле лишних людей привлекать нежелательно.

— Хорошо, Илья Прокопьевич, встречу.

— Вначале отвези его в гостиницу “Советская”, там забронирован номер. Пусть с дороги пёрышки почистит и сразу ко мне. Пообедаем вместе в обкомовской столовке и на Чкаловскую.

Нижегородский оказался высоким, дородным мужчиной сорока пяти лет. “Натуральный барин”, — подумал Плетнёв, глядя на холёное, чисто выбритое лицо профессора с крупным, чуть с горбинкой носом, на котором восседали очки в тёмной роговой оправе. Пыжиковая шапка и бордовый воротник на дорогом ватном пальто довершали образ учёного мужа.

После того как они представились друг другу, Нижегородский сразу же спросил:

— Девушка пребывает в том же состоянии, что и прежде?

— В том же, — ответил Плетнёв.

— Это хорошо, — сказал профессор, при этом глаза его хищно блеснули. “Что же в этом хорошего?” — неприязненно подумал Плетнёв.

Когда уже сели в служебную “Победу”, профессор вновь задал вопрос:

— А скажите мне, любезнейший Сергей Анатольевич, кто наблюдает за этим необычным явлением природы?

“Вот так! — развеселился про себя Плетнёв. — Кому — чудо, а кому — необычное явление”, — но вслух сухо ответил:

— В доме постоянно дежурит медсестра, а сам дом охраняется милицией.

Профессор как-то неопределённо хмыкнул, не то одобрительно, не то осуждающе, и до самой гостиницы вопросов больше не задавал.

Никифоров и Нижегородский встретились как старые добрые друзья. Долго трясли друг другу руки и шутили, вспоминая что-то своё. Затем выпили по рюмке коньяка за встречу и направились обедать в обкомовскую столовую. После обеда поехали на Чкаловскую.

Был полдень, но, несмотря на рабочий день, улица возле восьмидесяти четвёртого дома была запружена людьми. Машину оставили на углу улицы Братьев Коростелёвых и пошли пешком. Медсестра сидела на кухне и о чём-то переговаривалась с сержантом милиции Котиным. Завидев начальство, оба вскочили. Плетнёв ещё в первый день добился того, чтобы внутрь дома было допущено ограниченное количество людей. В доме постоянно дежурил лишь сержант Котин поменно с другим сержантом, а остальные милиционеры были лишь в наружном охранении. Медсестёр Плетнёв подобрал из своих внештатных сотрудниц, чтоб было надёжней.

Нижегородский разделся, вынул из саквояжка белый халат с белым колпаком, надел всё это и стал тщательно мыть руки. Затем так же тщательно вытер руки поданным медсестрой полотенцем и прошёл с нею в горницу. Идти в комнату с окаменевшей Зоей Никифоров с Плетнёвым не пожелали. Оба уже успели там побывать, а Плетнёв так и не один раз, но оба чувствовали себя в той комнате очень неудобно. Сержант Котин, воспользовавшись ситуацией, вышел во двор дома подышать свежим воздухом.

Нижегородский почти с минуту стоял напротив Зои, слегка покачиваясь с пятки на носок и о чём-то сосредоточенно думая. Потом он взялся за икону

и протянул её из рук Зои. Вытянуть икону не получилось, хотя было заметно, что профессор напрягает для этого силы. Оставив эту попытку, он пощупал её запястье. Потом открыл свой саквояж, вынул оттуда обыкновенные медицинские ножницы и подал их медсестре.

— Разрежьте и снимайте.

— Что разрезать? — испуганно спросила сестра, чуть не выронив ножницы.

— Платье и бельё! Надо же пациента освободить от одежды. Как же я буду её осматривать?

— Всё? — переспросила медсестра.

— Конечно, всё. И нижнее бельё тоже. А после осмотра прикроете тело простынями.

Медсестра принялась за работу, а Нижегородский вышел из комнаты.

Никифоров с Плетнёвым посмотрели на него ожидающе. Профессор поднял руки:

— Ничего не скажу. Осмотр пока чисто визуальный и какие-либо выводы делать рано. Сейчас приступлю к основательному обследованию, тогда и можно будет высказывать какие-либо предположения.

— Да что нам от этих предположений, — досадливо поморщился Никифоров. — Ты, Игорь Львович, в первую очередь реши проблему, как нам её отсюда убрать, а уж потом и обследуй, сколько твоей душе угодно.

— Тут, Илья Прокопьевич, спешить опасно. По всей видимости, мы столкнулись с неизвестной доселе формой диффузии.

— Что ещё за диффузия? Говори проще.

— Это, дорогой мой друг, процесс взаимного проникновения молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого. А проще сказать, тело девушки и пол, на котором она стоит, стали чем-то вроде единого организма.

— Да как такое возможно? — удивился Никифоров.

— Необъяснимых тайн у природы ещё много. Обычно перенос вещества происходит из области с высокой концентрацией в область более низкой концентрации, а здесь...

Никифоров замахал руками:

— Пожалей, Игорь Львович, у меня и так голова пухнет от проблем, а тут ещё диффузия эта... Ладно, оставайся, работай, мешать не будем, а машину за тобой пришлём, как закончишь.

— Мне бы сегодня сдать кое-какие анализы на обследование.

— Тогда сделаем так. Как всё закончишь, поезжай в наш медицинский институт, я их предупредю. Тебя в лаборатории будет ждать доцент кафедры криминальной судмедэкспертизы Мышинская Элеонора Станиславовна.

— Алина здесь, — удивлённо вскинул брови Нижегородский.

— Здесь, — засмеялся довольный Никифоров. — Мужа три года, как схоронила, и до сей поры эффектная женщина.

— Да о чём ты говоришь, — смутился профессор, — при чём здесь это?

— Ни при чём, — продолжал веселиться Никифоров, — просто Алина помнит старую дружбу и готова содействовать всем, чем только может, — при этих словах уполномоченный подмигнул Нижегородскому.

К вечеру вторника 17 января пришлось отменить движение общественного транспорта по улице Чкалова. Народ стоял плотной массой от Арцыбушевской и до улицы Братьев Коростелёвых, а люди всё продолжали прибывать. В толпе было постоянное движение. Собирались группами и бурно обсуждали ходившие по городу слухи. Кто-то верил, кто-то нет, но тем и другим хотелось всё увидеть собственными глазами, а потому в стоящих в оцеплении милиционеров из толпы неслись обидные оскорбления.

Уставшие и злые милиционеры с неприязнью смотрели на толпу, но на провокации не отвечали. Среди народа шныряли карманники, радуясь неожиданно свалившемуся фарту. Здесь же, в толпе, не привлекая к себе особого внимания, курсировали сотрудники КГБ. Они останавливались возле какой-нибудь группы спорщиков и внимательно вслушивались в разговоры.

Если их что-то особо интересовало, то делали условный знак рукой, и из окна соседнего двухэтажного дома на группу людей направлялся мощнейший объектив фотоаппарата.

Среди народа было немало и внештатных сотрудников КГБ, которым Плетнёв поставил задачу сеять дезинформацию. Агенты Плетнёва громко рассказывали, что вчера, мол, уже побывали в том доме и ничего там не видели. Другие рассказывали, что в этом доме гуляла молодёжь, все перепились, и одной девушке стало плохо. Вызвали “скорую”. Врачи, мол, приехали, а она без чувств, словно окаменела, отсюда и пошли гулять нелепые слухи. На некоторых эти “откровения очевидцев” действовали, и они уходили, посмеиваясь над своей легковёрностью. Но народу не убавлялось, так как подходили другие, чтобы отстоять свою вахту в надежде увидеть чудо.

С утра среды 18 января к городским любопытным стали прибавляться жители окрестных сёл, слухи докатились уже и за пределы города. К вечеру по поводу опасного скопления народа в главке областного управления милиции собрали срочное совещание.

Заслушали доклад начальника Ленинского РОВД подполковника Тарасова Михаила Фёдоровича. Тот кратко доложил обстановку, а затем устало добавил:

— Одни мы, товарищ генерал, не справимся. Нужна помощь людьми из других райотделов милиции. Неплохо было бы задействовать и конную милицию.

Начальник Кировского РОВД полковник Криворучкин предложил подогнать к Чкаловской улице пару пожарных расчётов, чтобы, если ситуация выйдет из-под контроля, можно было бы горячие головы остудить холодной водой из шлангов.

— Ты что ж это, Василий Андреевич, предлагаешь воспользоваться опытом капиталистических стран, где демонстрации трудящихся, борющихся за свои права, из водомётов разгоняют? — с сарказмом заметил начальник областного управления генерал Плотников.

— Так там за свои права борются, а у нас толпа зевак. Можно сказать, человеческая стихия, она непредсказуема, — развёл руками полковник.

Всё же решили подогнать пару пожарных машин и держать их наготове недалеко от улицы Чкалова. И конное подразделение милиции генерал разрешил задействовать с утра 19 января.

Подполковник Тарасов встретил уполномоченного с хмурым видом. Никифорова он знал ещё по прежней его работе в органах. Пару раз встречались на праздничных застольях и несколько раз — на совместных заседаниях в управлении МВД области. Близкими друзьями не были, но и для неприязни поводов тоже не случалось. Однако за последние четыре дня Тарасов так вымотался, что его раздражали любые посторонние люди.

Молча пожали друг другу руки. Никифоров, не дожидаясь приглашения, сам пододвинул стул к столу и присел, одновременно расстёгивая своё кашемировое пальто и снимая шарф.

— Звёздочку обмыл уже? — неожиданно спросил Никифоров, глянув на погоны Тарасова.

— Намёк понял, — ухмыльнулся тот и достал из стола два стакана и початую бутылку водки. — Извини, Илья Прокопьевич, но вот с закуской у меня скудно, — и, пошарив ещё раз в столе, вынул одно яблоко. Разломив его руками пополам, подполковник подал одну половинку Никифорову и разлил водку.

Никифоров, взяв стакан, встал.

— Бог любит Троицу, значит, выпивая за твою вторую звёздочку, желаю получить и третью.

— Тут бы вторую не потерять, — мрачно пошутил Тарасов.

Они вышли и сели.

— Вот скажи мне, Илья Прокопьевич, как же так получается, что в Бога мы не верим, а постоянно его поминаем. Вот и ты сейчас сказал про Троицу.

— Да это так, — махнул рукой Никифоров, — больше для красного словца. Как можно современному человеку в Него верить, коли всё наукой доказано.

— Какой наукой? — горько усмехнулся Тарасов. — Девка с иконой застыла, а мы прячем её! И где тут наука?

— Наука разберётся и с этим явлением. Погоди, дай срок.

— А если не разберётся?

— Постой, Михаил Фёдорович, неужели ты веришь, будто действительно произошло чудо?

— Да я уже не знаю, чему верить. Факт один: девчонка стоит с иконой, а мы её всей милицией охраняем. А всё почему? Да потому, что она с этой иконой стала танцевать.

— А Бог её наказал, — с ехидством в голосе подхватил Никифоров. — Так, что ли, выходит?

— Причинно-следственная связь говорит, что так оно и выходит, а наука пока ничего не говорит.

— Я тебе, Михаил Фёдорович, без всякой науки могу доказать, что икона здесь ни при чем. В тридцать девятом я служил здесь, в Куйбышевском НКВД. Петропавловская церковь к тому времени уже второй год не работала, вот и решили её окончательно ликвидировать как культовое учреждение. Прислали комиссию изъять из храма церковную утварь, а мы обеспечивали охрану этого мероприятия. Могли быть эксцессы. Стали выносить из храма иконы, подсвечники, ну, и другую церковную рухлядь. Прихожан понабежало много, так что наше охранение было как нельзя более кстатя.

Была в Петропавловском храме икона Божией Матери, которую местные жители считали чудотворной. Вот они и стали эту икону просить, чтобы её не увозили, а передали хотя бы в Покровский собор, который к этому времени уже был открыт. Комиссии по изъятию церковной утвари помогали описывать имущество два диакона из Покровского собора. Оба из обновленческой церкви. Вели себя эти дьяконы ещё хуже, чем наши сотрудники. Ходили по храму с сигарками во рту, ругались и смеялись над Петропавловскими прихожанами. А когда те стали просить забрать чудотворную икону, хотя бы себе в Покровский храм, дьяконы им ответили: “У нас и самих столько икон, что девать некуда”.

Накануне прошёл дождь, вот у порога храма и образовалась лужа. Чтобы удобней было выносить из храма утварь, наш начальник велел положить мостки. Досок поблизости не нашлось, тогда взяли эту чудотворную икону Божией Матери и положили её прямо в грязь.

Признаюсь тебе, подполковник, честно: когда первый раз наступал на эту икону, то небольшой мандраж был. Думалось, а кто его знает, может, сойдёт огонь небесный да поразит нас, святотатцев. Не сошёл. Я и раньше в Бога не верил, а тут окончательно понял, что всё это выдумки поповские.

Ну, как тебе мой рассказ? Где, по-твоему, причинно-следственная связь сильнее? Тогда, когда мы чудотворную икону втапывали в грязь, или теперь, когда эта девка всего-то лишь с простой, домашней иконой танцевала?

— Ладно, оставим эти разговоры, — махнул устало рукой Тарасов, — меня убеждать не надо, я коммунист и в Бога не верю. Устал я. Веришь ли, Илья Проконьевич, даже на фронте было легче. Там перед тобой враг, и всё ясно. Закон один: бей врага до смерти, и правда на твоей стороне. Кто их, фашистов, сюда звал, на нашу землю? Здесь же свои, пусть и неразумные, но не преступники же. Нет таких законов, чтобы запрещать гражданам приходить на ту или иную улицу. Сговора тоже нет. Нет зачинщиков. Просто услышали о чуде, вот и идут посмотреть. Что с этим народом прикажешь делать? Начальство требует разогнать, а вот ответственности на себя брать никто не желает. Всё с оглядкой: кабы чего не вышло. Со стороны руководства области нет никаких прямых указаний. Чего они там ждут? А народ, между прочим, всё прибывает. Сейчас уже до трёх тысяч насчитывается. При таком скоплении людей, сам знаешь, всё может произойти. Про Ходынку, надеюсь, в учебниках истории читал, и что было на похоронах товарища Сталина, знаешь. Вот я и думаю, случись что здесь, на Чкалова,

крайнего найдут быстро. Рикшетом всем прилетит, и генералу тоже, но крайним-то я окажусь. И на заслуги не посмотрят. Чует сердце, завтра, девятнадцатого, жаркий денёк будет.

Никифоров молча жевал яблоко и слушал Тарасова, а на душе было скверно. Верно говорит подполковник. Крайнего найдут, и он, уполномоченный по делам Русской Православной Церкви, тоже может оказаться крайним. Третьего секретаря обкома Темникова Захара Никитича, ответственного за идеологию, Никифоров поставил в известность об инциденте на Чкалова ещё в понедельник. Но что-то молчит третий. Наверняка первому не доложил, а всё спустил на заведомо религиозных культов ОК КПСС Алексина. Не до того сейчас в обкоме. Все силы брошены на подготовку к областной партконференции, пора слишком горячая, чтобы обращать внимание на какое-то там “чудо”. Но народ... Слишком много его на Чкалова, чтобы это можно было игнорировать там, наверху. Рано или поздно начнутся разборки, вот тогда и полетят головы. И не факт, что ему, Никифорову, удастся удержать своё тёплое местечко. Быть же простым отставником-пенсией — ох, как не улыбалось. Надо звонить епископу, его слово народ поверит. Пусть на деле докажет свою лояльность к советской власти. Это решение несколько успокоило уполномоченного.

К вечеру 18 января лейтенант милиции Пётр Мельников едва держался на ногах от усталости. Как только ему на смену пришёл капитан Ракинин, Мельников сразу отправился домой с одной мыслью: лечь в постель и хорошенько выспаться. Но пока шёл домой, его не оставляло ощущение, что кто-то идёт следом за ним. Пройдя два квартала, лейтенант не выдержал и обернулся. В сгустившихся вечерних сумерках он явно различил женский силуэт. Незнакомка тоже остановилась. Странно. А может быть, наоборот, ничего странного. Просто идёт женщина своей дорогой, а ему уже мерещится, что преследуют.

Отбросив всякие подозрения, лейтенант вновь пошёл, но уже быстрым шагом. Женщина побежала влед за ним. Он повернулся к ней так неожиданно, что она чуть было не налетела на него.

Женщина была молодая, лет двадцати трёх — двадцати пяти. Миловидное личико с чуть курносом носом выражало явное смущение.

— Что случилось, гражданка? — строго спросил Мельников, удерживая даму под локоток.

— Ничего... просто хотела спросить... Там что, действительно девушка с иконой стоит?

Лейтенанту эта ситуация показалась до того комичной, что он невольно фыркнул.

— Да вам-то что от этого, стоит или не стоит?

— Я с мамой поссорилась из-за веры и крестик с себя сняла, — на глазах девушки выступили слёзы. — А если стоит, тогда я очень виновата перед мамой...

У самого Мельникова мама умерла два года назад. Умерла неожиданно, от сердечного приступа. Словно предчувствуя свою скорую кончину, она просила его в тот день не уходить из дома, а побыть с нею. Но Мельников спешил на стадион, ведь должна была состояться ответственная игра его любимой команды “Крылья Советов”. Ну, почему мама не может побыть без него один вечер? Тем более дома остаётся сестра. Уже уходя из дома, он обернулся к матери. Она лежала в постели и смотрела на сына полными любви и слёз глазами. Как бы он хотел вернуть это время вспять! О, тогда бы он не пошёл на стадион, а остался с матерью. Сидел бы рядом с нею, держал за руку и говорил бы, говорил о том, как он любит её, как она ему нужна и что значит в его жизни.

Он смотрел на девушку и понимал, что не может сказать ей правду, но и не может соврать. И тогда он снял перед ней шапку, обнажив свою поседевшую голову.

— Да, я был в том доме, но ничего вам сказать не могу, смотрите сами.

— Я все поняла, — ахнула девушка и перекрестилась. А потом вдруг неожиданно поцеловала в щёку совсем опешившего лейтенанта и побежала

по улице в обратную сторону. Мельников посмотрел вслед девушке, и ему тоже почему-то захотелось перекреститься. Но так и не перекрестившись, он вздохнул, надел шапку и пошёл дальше своей дорогой.

Когда вечером 19 января Мельников пришёл сменить капитана Ракитина, тот сидел на кухне в расстёгнутой шинели, а шапка валялась на полу. Ракитин был выпивши.

— Ты чего это, Паша? А если Плетнёв зайвится? Попрут со службы.

— Не попрут, Петя, я с Плетнёвым и выпивал. Он ничего мужик, хоть и гэбэшник. Мы с ним сегодня вместе стояли, так сказать, грудью против народных масс, — капитан пьяно засмеялся.

— Жарко было? — поинтересовался Мельников, присаживаясь к столу.

— Не то слово. Тут такое творилось, что просто охренеть и не встать. Народ словно с ума сошёл. Прут прямо на наших ребят, а как их остано- вишь? Хорошо, хоть конное подразделение было, а то бы вообще труба. Хо- тели уже пожарные расчёты вызывать, обошлось, правда. Сейчас Шура за- кусь принесёт, выпьешь с нами?

— Что за Шура?

— Да медичка, дежурит здесь.

— Понятно. Ты же меня знаешь, я не пью.

— Эх, Петя, не пойму я тебя. Парень вроде нормальный, а пить не пьёшь.

— Я же спортом занимаюсь. Кто на межрайонных соревнованиях будет за вас всех отдуваться?

— Слушай, Пётр, а тебе не страшно здесь находиться? — Капитан мот- нул головой в сторону дверей, ведущих в горницу, где стояла Зоя.

— Да как сказать. Что это, страх или нет, но только мне здесь не по себе.

— А мне страшно. И ведь не трус вроде. Десять лет на оперативной ра- боте. Всё приходилось, и под пули... А тут сижу ночью, а в голову разные мысли лезут. Что, если она оживёт и выйдет ко мне?

В это время пришла медсестра Шура. Положив на стол колбасу с хле- бом, она ту же подключилась к разговору.

— Тебе, Павел Афанасьевич, чего? Тебе здесь сидеть, а мне каждые два часа осмотр проводить. В морге не так страшно, там все мертвяки, а здесь, почитай, живой мертвец стоит. Я, прежде чем туда заходить, крещусь и мо- литву читаю.

— Вот, пожалуйста, — усмехнулся капитан, наливая себе в стакан вод- ки, — комсомолка, а крестится и молитвы читает, а я вот, беспартийный, водку пью, потому как молитв не знаю, да и креститься не умею. К чему мы придём? Может, мы, Петя, зря с религией боремся? А может, нам Божень- ка подсказку даёт, что неправильно мы живём, а? — капитан вновь кивнул в сторону двери в горницу.

Мельников в разговор не вступал, зная из опыта, что с пьяным разговор начать легко, а закончить трудно. Ракитин закусил водку бутербродом с кол- басой и стал прощаться.

Подошла на смену и другая медсестра. Пришёл и сержант Котин.

— Ты вот что, Борис Семёнович, — отвёл в сторону сержанта Котина Мельников. — После двенадцати часов, как народу поубавится, подойдёт моя сестра с подругой, я их обещал в дом привести.

— Вы, товарищ лейтенант, начальник, сами и смотрите, кого пускать, кого нет. А моё дело выполнять ваши приказы и помалкивать, — при этих словах сержант подмигнул Мельникову.

Тот молча пожал руку Котину и пошёл делать обход наружного охране- ния дома.

Дуня и Маша пришли на Чкаловскую к половине первого ночи. Народу на улице уже не было. Мельников встретил их возле калитки и провёл в дом. Войдя в дом, девушки заробели. Но когда лейтенант прошёл мимо кухни к двери горницы, любопытство пересилило страх, и Дуня с Машей последо- вали за ним. Перед дверью Мельников остановился.

— Сейчас я открою дверь, смотрите, я в комнату не заходите.

Последнее он мог бы и не говорить. Объятые каким-то непонятным страхом, девушки вообще уже жалели, что пришли сюда. Лейтенант открыл створки дверей. Дуня и Маша увидели посреди комнаты что-то, покрытое белой простыней. Под простыней угадывался человеческий силуэт.

— Ну, всё, — сказал Мельников, закрывая дверь, — посмотрели и будет.

Так и не произнеся ни слова, девушки вышли из дома. До калитки их проводил сержант Котин. Они шли молча по улице Чкалова в сторону улицы Братьев Коростелёвых, потрясённые тем, что увидели. Маша заговорила первой.

— Дуня, ты слышала там какой-то непонятный звук? Что это?

— Слышала вроде, словно зудящее гудение какое-то.

— Вот-вот, и я слышала. Многие бы уверовали в Бога, коли такое увидели.

— Я не думаю, что многие, — возразила подруге Дуня. — Христа вон сколько людей видело и чудеса Его, а уверовали немногие. А мы с тобой и в храм ходим, и молимся, и причащаемся, а много ли чудес видели?

— Да какие там чудеса! Я и без чудес себе жизни без храма, без служб не представляю. Даже удивляюсь, как это другие живут без Церкви. Это же так скучно, так неинтересно. Жалко этих людей...

Котин, проводив девушек до калитки, постоял какое-то время на крыльце дома, подышал свежим воздухом, а когда повернулся, чтобы зайти в дом, то вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял статный старик с окладистой седой бородой.

— Дед, да ты как тут оказался? Не положено здесь. Уходи.

Старик улыбнулся какой-то обезоруживающе доброй улыбкой.

— Так-то другим не положено, а нам с тобою, Борис, сын Семёна, положено.

“Какой странный дед, — подумал Котин, — и имя моё знает, и отца моего тоже, как видно, знает. Уж не родня ли какая?” Что-то в этом старике было знакомо Котину, вроде он даже его видел ещё в детские годы.

— Ты, дедушка, не из Берестянки?

— Эта та Берестянка, в которой храм в честь Покрова Божией Матери? Бывал и там. Я, Борис, много где бывал. Так вступишь меня в дом?

“Может, он странник, ходит по деревням и сёлам. Хороший дед, почему бы не пустить? Вон товарищ лейтенант свою сестру с подругой провёл, и ничего. А я дедка пушу, он никому не повредит”.

— Ладно, заходи, только недолго, а то подведёшь меня под служебное несоответствие.

— Спаси тебя Христос, Борис, сын Семёна.

Старик зашёл в дом, а следом за ним шёл сержант Котин, сам себе удивляясь, почему он пустил этого старика. А старик, между тем, уверенной походкой направился прямо к комнате, где стояла с иконой окаменевшая девушка. Сержант шёл за ним по пятам. Старик открыл дверь и вошёл. Котин хотел было тоже зайти, но старик обернулся к нему и приложил палец к губам:

— Ты, Борис, здесь постой, я ненадолго.

И опять удивился себе сержант: почему он послушался этого деда и остался за дверью? Вскоре он услышал ласковый голос старика:

— Ну, что, милая, устала стоять? Знаю, устала. Потерпи ещё немного. Милостив Господь...

Из кухни вышел, протирая глаза, лейтенант Мельников. Он только что дремал, сидя на стуле.

— Ты чего это, Котин?

— Тихо, товарищ лейтенант, там дед с нею разговаривает.

— Какой ещё дед? — удивился Мельников.

Он подошёл к двери, открыл её и заглянул в комнату.

— Никакого деда там нет. Тебе что, уже мерещиться начало?

— Да как же нет? — удивился Котин. — Куда же он мог деться?

— Да ты сам смотри, — предложил лейтенант.

Когда сержант вышел из комнаты, удивление его было настолько искренним, что Мельников с подозрением посмотрел на него.

— Так ты что, действительно кого-то сюда впустил?

Все ещё пребывающий в растерянности сержант молча кивнул головой.

— А ты можешь его описать?

— А что описывать? Ну, старик, статный такой, борода седая.

— Да, описание хоть куда. А какие-нибудь особенности заметил? Во что он одет, например?

— Пойдите, товарищ лейтенант, в этом и особенность. Не пальто на нем и не шуба, а какая-то одежда непонятная, как у попов.

— Так может, это поп и был?

— Нет, поповскую одежду я знаю. Может, это странник какой? Говорил мне, что во многих местах бывал.

— Слушай, Котин, тебе отдохнуть надо, а то ещё и не то привидеться может.

— Да не привиделось мне это, товарищ лейтенант, вот как вас сейчас вижу, так и старика того видел. А главное, мне показалось, что я его и раньше видел, а где, хоть убей, не припомню.

— Ладно, иди, подремли малость, а я подежурю. Ещё неизвестно, какой завтра день будет. Хорошего ничего не жду.

Утром 20 января делегаты тринадцатой областной партийной конференции наполняли Куйбышевский театр оперы и балета. Событие для всей номенклатурной верхушки области, несомненно, очень значимое. К нему шла подготовка весь 1955 год, в течение которого одна за другой проходили районные партийные конференции. Вся страна готовилась к Двадцатому съезду КПСС. И вот теперь первые секретари райкомов чинно раздевались в гардеробе театра и шли прогуливаться по фойе с видом победителей. Они сделали своё дело и сделали хорошо, а сегодня их роль незамысловатая: слушать, рукоплескать и голосовать. Передовики производства и знатные хлебоборобы жали другу руки и шутили с раскрасневшимися от смущения почётными доярками. Все понимали, что ничего сверхординарного произойти не должно. Всё будет согласно повестке: отчётный доклад обкома и выборы делегатов на XX съезд партии.

Такого благодушного настроения не разделял только один человек — первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС Михаил Тимофеевич Ефремов. Он тоже считал, что сегодня всё будет согласно повестке, но, в отличие от простых делегатов, был в курсе, какие страсти разгорятся там, на вершине власти в Москве.

Вопрос в ЦК поднимался серьёзный: о роли культа личности товарища Сталина в репрессиях 30-х годов. И зная об этом, Ефремов все последние дни мучительно размышлял, как ему быть? Кого поддержать? Ясно, что хотят свалить всё на покойного вождя. В роли осла, решившего лягнуть мёртвого льва, выступает сам первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв. Его поддерживают такие тяжеловесы, как Булганин, Микоян и Каганович. Но и противники не на слабых позициях: Молотов, Маленков, Ворошилов. Чья сторона возьмёт? Не ошибиться бы.

К трибуне, отбросив на время все свои тревоги и волнения, Ефремов вышел бодрым шагом под бурные аплодисменты депутатов. В перерыве, когда вся верхушка обкома собралась в кабинете директора театра на чай, Ефремов властно протянул руку к третьему секретарю, который собирал записки с вопросами из зала. Тот, словно нехотя, раскрыл папку и подал записки.

Ефремов читал записки и всё больше хмурился. Часть записок он откладывал в сторону. Потом подчитал отложенные записки и поднял на третьего секретаря взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

— Что это ещё за “чудо”? Почему половина записок о какой-то девушке, застывшей с иконой в руках? Почему на улице Чкаловской столпотворение накануне важнейшего государственного мероприятия в области? Это что, диверсия? Почему я узнаю об этом только сейчас и от делегатов, а не от вас,

помощников? Ладно, с этим будем разбираться потом и оргвыводы соответствующие сделаем. Сейчас ко мне в обком всех, кто может дать вразумительные разъяснения. Обед для делегатов прошу продлить.

В кабинете Ефремова собрались, кроме второго и третьего секретаря, ещё и заведующий отделом религиозных культов ОК КПСС Алексин, полковник КГБ Панин и генерал МВД Ермаков с начальником Ленинского райотдела милиции подполковником Тарасовым, а также уполномоченный Никифоров с профессором Нижегородским. Остальные чины поменьше остались ожидать в приёмной.

После подробных докладов, как и что случилось, уполномоченный подал Ефремову краткий отчёт профессора медицины Нижегородского. Ефремов быстро прочитал отчёт и фыркнул:

— Какая ещё, к лешему, диффузия? И это всё происходит накануне съезда партии? Я вам такую диффузию устрою, мало не покажется. Короче, чтобы мне сегодня, ещё до окончания заседания конференции, доложили, что на Чкаловской никого нет и посты милиции сняты. А завтра для всех желающих депутатов надо устроить экскурсию в тот дом. Ясно?

Когда все покинули кабинет, Ефремов продолжал задумчиво сидеть в своем кресле. Попробовали бы они товарищу Сталину оправдаться диффузией! Он бы им устроил не диффузию, а контузию, лет так этак на десять. Нет, надо всё же ставить на Никиту. Надо что-то менять.

От принятого решения Ефремову стало немного легче, но полностью тревога с души не ушла. Почему-то вспомнился декабрьский номер газеты “Воляская коммуна” с портретом Сталина на четверть страницы. “21 декабря у вождя день рождения, всё закономерно. И всё же надо главному редактору намекнуть, чтобы впредь от печатания портретов генералиссимуса воздержались”, — с этой мыслью он встал и решительно направился из кабинета.

Получив от первого нагоняй, все участники совещания перешли в кабинет третьего секретаря Темникова Захара Никитича, ответственного за идеологию, чтобы обсудить, как лучше выполнить приказ начальства.

— Ну, хорошо. Пусть не нравится вам вполне научное слово “диффузия”, — горячился профессор Нижегородский, — но как тогда увезти из дома эту девушку, если невозможно оторвать её от пола, ноги ей, что ли, прикажете рубить?

— Зачем ноги, — невозможно возразил хозяин кабинета Темников, — рубить надо пол.

Все ошарашенно уставились на третьего секретаря. В наступившей тишине торжественно прозвучал голос уполномоченного:

— Вот, товарищи, учитесь у Захара Никитича. Мы тут все ломаем голову над этой проблемой, а оказывается, что всё гениальное просто.

— Ну, а раз просто, — тут же подхватил его слова польщённый похвалой Темников, — то время терять не будем. Я, товарищи, — на заседание конференции, а вы — на Чкаловскую. И помните, на всё про всё у вас не более трёх часов.

После ухода Темникова стали разрабатывать план проведения всей операции. Наконец, распределили между собой роли и выехали на Чкаловскую.

В 15 часов 23 минуты в дом, где стояла Зоя, вошли уполномоченный Никифоров, капитан КГБ Плетнёв, его помощник, лейтенант КГБ Козырев и профессор медицины Нижегородский.

Когда вошли в горницу, Козырев сразу достал топор. По кивку Нижегородского он с размаху вонзил его в доски пола у ног стоящей Зои. После второго удара Козырев пробурчал:

— Чего это с досками, от воды, что ли, набухли?

— Что там у тебя? — спросил Плетнёв.

— Да тут, товарищ капитан, вода в полу какая-то. Весь топор залила, — он провёл рукой по топорщику и недоуменно уставился на свою ладонь.

— Что это? Боже мой, да это же кровь, — вдруг заорал он и в ужасе отбросил от себя топор.

— Ты чего? — возмутился Плетнёв. — Крови никогда не видал? Надо дальше рубить.

— Кого рубить? Я что, мясник, по-вашему? — чуть не плача, вскричал Козырев. — Вы же видите, я весь в крови!

При этом он кинулся было к двери, но Плетнёв успел его перехватить. Однако тот уже бился в истерике, повторяя одно и то же:

— Боже мой, я весь в крови, весь в крови...

Плетнёв закричал медсестре:

— Дура, чего стоишь, коли ему успокоительное! — и он потащил всё ещё вырывающегося из его рук Козырева на кухню. Медсестра трясущимися руками вскрыла ампулу. Глубоко вздохнула, успокаиваясь, и наполнила шприц.

В это время раздался протяжный стон. Нижегородский с Никифоровым вздрогнули и уставились на Зою. Стон исходил от неё.

— Что с ней? — хриплым до неузнаваемости голосом проговорил Никифоров, отступая к двери.

— Господи, да она же оживает! — прокричал Нижегородский и шагнул к Зое, чтобы подхватить выпадающую из её рук икону. Как только икона оказалась в руках Нижегородского, Зоя рухнула на пол.

— Валя, — крикнул Нижегородский медсестре, — давай сюда ребят с носилками.

Профессор быстро открыл свой саквояж и достал оттуда контейнер со шприцами.

Заседание партийной областной конференции подходило к концу, протокол был весь исполнен. К столу президиума буквально на цыпочках из глубины сцены пробрался заведующий отделом религиозных культов Алексин и стал шептать что-то на ухо Темникову. Третий секретарь выслушал его и покровительственно кивнул головой, отпуская Алексина. Затем он стал что-то строчить на бумаге. Исписанный листок Темников положил перед первым секретарём. Ефремов прочитал и одобрительно хмыкнул.

В завершении заседания Ефремов вышел к трибуне:

— Товарищи, есть и ещё один вопрос, который волнует некоторых делегатов нашей конференции. В городе Куйбышеве широко распространены слухи о происшедшем якобы чуде на Чкаловской улице. Записок по этому поводу штук двадцать. — Ефремов сделал внушительную паузу. — Да, произошло такое чудо, позорное для нас, коммунистов, руководителей партийных органов. — Первый секретарь строгим взглядом обвёл притихший зал и продолжил. — Какая-то старушка шла и сказала: “Вот в этом доме танцевала молодёжь. Одна охальница стала танцевать с иконой и окаменела”. После этого и стали говорить: “Окаменела, одеревенела...” И пошло... Начал собираться народ, потому что неумно поступили руководители милицеевских органов. Видно, и ещё кто-то приложил к этому руку. Тут же выставили милицкий пост, а где милиция, туда и глаза. Мало оказалось милиции, так как народ всё прибывал, выставили конную милицию, а народ, раз так, — все туда. Некоторые даже додумались до того, что вносили предложение послать туда попов для ликвидации этого позорного явления. А по существу это самая настоящая глупость, никаких танцев, никаких вечеринок в этом доме не было, живёт там старуха... К сожалению, наши органы милиции здесь не сработали и не выяснили, кто распространил эти слухи. Бюро обкома рекомендовало виновников строго наказать, а товарищу Страхову, редактору “Волжской коммуны”, дать разъясняющий материал в газету в виде фельетона. Кстати, товарищи, бюро обкома уже дало указание снять все наряды и посты, убрать охрану — нечего там охранять! Как только убрали наряды и посты, так народ и стал рассеиваться. Сейчас, как мне докладывали, почти никого нет.

Элеонора Станиславовна Мышинская, доцент кафедры криминальной судмедэкспертизы Куйбышевского медицинского института, нервно ходила из угла в угол по своей просторной гостиной. Круглый стол, покрытый бело-

снежной скатертью, был сервирован на двоих. Она ждала в гості своего одноклассника по Московскому университету профессора Нижегородского. Тот опаздывал уже более чем на час.

— Это просто выходит из всех рамок приличия. — Мышинская остановилась перед зеркалом и нервно поправила причёску. — Всё, ждать больше не буду...” В это время в прихожей раздался звонок, и Мышинская тут же села в кресло, взяв в руки книгу. Раскрыв её наугад, она сделала вид, что углубилась в чтение, но сама с бьющимся сердцем прислушивалась к звукам из прихожей, где домработница Глаша встречала гостя.

Наконец, двойные двери гостиной распахнулись, и на пороге, смущённо улыбаясь, возник Нижегородский с букетом цветов в одной руке и бутылкой шампанского в другой. Мышинская, не вставая с кресла, демонстративно отвернулась и холодно проговорила:

— Это в Москве так принято опаздывать — аж на полтора часа?

— Алина, дорогая, ну, не сердись, пожалуйста. Уверен, что, когда услышишь объяснения причины моего опоздания, простишь сразу. Пока скажу коротко: наша пациентка вышла из состояния, если так можно выразиться, паралича, и я был вынужден срочно проводить реабилитацию всех функций жизнедеятельности её организма. Потому и опоздал.

Он поставил шампанское на стол, а Мышинская, отложив книгу, поднялась с кресла ему навстречу.

— Игорь, ты полностью оправдан, — взволнованно сказала она, принимая букет из рук Нижегородского. Демонстративно вдыхая аромат роз, она кокетливо проворковала:

— Оправдан, но ещё не прощён.

— Как это не прощён? — подхватил игру Нижегородский. — И чем же мне прикажете заслужить прощение?

— Целуй, — Мышинская коснулась указательным пальцем своей щеки. Нижегородский не ограничился одной щекой, но поцеловал и вторую.

— Если таким образом заслуживают прощение, то я готов всегда быть перед тобою виноватым.

Оба довольно засмеялись.

— Присядем к столу, — предложила, всё ещё смеясь, хозяйка, — и я с нетерпением жду двух вещей: когда ты разольёшь по бокалам вино и когда подробно мне всё расскажешь.

— Ничего не утаю.

Отпив вина, они принялись за ужин. Мышинская почти ничего не ела, а, пригубивая маленькими глотками вино, с загадочной улыбкой смотрела на Нижегородского. Тот с удовольствием, не торопясь, ел и так же, не торопясь, рассказывал. Когда он дошёл до того момента, как стали рубить пол и пошла кровь, Мышинская не выдержала и удивлённо воскликнула:

— Этого же не может быть! Наверное, кровь текла с самой девушки и попадала на пол и топор.

— Нет, я всё проверил. Невероятно, но факт: кровь сочилась из пола.

— На анализ взяли?

— Обижаетесь, Алина! Всё собрал. Мы, кстати, даже доски выпилили, чтобы отвезти на экспертизу. Так что завтра у тебя в лаборатории работы будет много.

— А что с самой Зоей?

— Мы сделали всё, что могли, но ситуация остаётся тяжёлой. Сейчас она пребывает в коматозном состоянии. Инъекции глюкозы, искусственная вентиляция лёгких, — словом, мы сделали всё, что в этом случае полагается, но полной уверенности, что она доживёт до утра, у меня нет. Это прискорбно, ведь для моих научных исследований важно знать, что сама девушка ощущала во время этого так называемого “стояния”. Да, кстати, я принёс ту самую икону, что она держала в руках.

Нижегородский встал и, выйдя в прихожую, вскоре вернулся с завернутой в полотенце иконой. Он развернул полотенце и поставил икону на комод.

— Вот она, виновница всех этих удивительных метаморфоз, ещё неизвестных науке.

— Что я слышу! — засмеялась Мышинская. — Учёный человек, убеждённый атеист — и верит в чудеса! Это невероятно! Надеюсь, это просто шутка. И зачем ты принёс сюда эту икону?

— Убеждённым атеистом я быть не перестал. Но вот насчёт того, что я пошутил, тут ты, Алина, ошибаешься. Я действительно считаю, что икона сыграла определённую роль, но не мистическую, а вполне материалистическую.

— Что и говорить, — развела руками Мишинская, — умеешь ты, Игорь, заинтриговать. Давай, выкладывай, хватит испытывать женское любопытство.

Нижегородский встал с кресла и прошёлся по комнате.

— Не тебе мне объяснять, дорогая Алина, что для врача первостепенная задача — установление правильного диагноза, тогда можно приступать к лечению.

— Ты мне ещё, дорогой профессор, прочитай лекцию для первокурсников медицинского института.

— Прости, Алина, мне так проще подойти к самой сути. Поэтому я скажу ещё одну банальность. Для меня как врача не только важно правильно выявить диагноз, но и увидеть причины, которые привели к болезни. Как ты прекрасно знаешь, самое эффективное лечение — это устранение причин болезни. К чему я всё это говорю? А к тому, что для меня уже в первые дни моего исследования был ясен диагноз: общая спазма мышечных тканей, притом не всех. Например, внутренние мышечные ткани функционировали. Сердце работало, значит, шло кровообращение. Глаза видели, поскольку зрачки реагировали на свет. Слух также функционировал — я исследовал барабанные перепонки. Если в истории медицины не зафиксировано случая такого обширного спазма мышц, это совсем не значит, что подобного никогда не случалось в природе. Просто это очень редкое явление. Вот и всё.

Исходя из вышеизложенного, я поставил перед собою задачу: установить причину, приведшую к подобной спазме мышц. Согласно медицинской карте Зои Карнауховой, у неё не было серьёзных заболеваний, если не считать пневмонии в раннем младенчестве. Изучив досконально все самые незначительные детали случившегося в ту ночь, я выстроил следующую рабочую гипотезу. Первый фактор — это то, что девушка находилось в большом эмоциональном напряжении, так как на вечеринку не пришёл её любимый парень. Когда наступила кульминация этого психологического напряжения, она и схватила икону. Это был жест отчаяния. Но поскольку девушка росла в семье религиозной — её мать фанатично верующая, — то к её эмоциональному напряжению добавился страх перед высшими силами. Подсознательное ожидание наказания от потусторонних сил. Это второй фактор. Третий фактор — это икона. Надо заметить, что икона под стеклом, и на самой иконе — медная риза... Во время танца с иконой в руках в доме произошло короткое замыкание. Лампочка, вспыхнув необыкновенно ярко, погасла. Но эта вспышка отразилась от стекла и оклада, кстати, начищенного до блеска. Вспыхнувшая ярким светом икона сыграла роль детонатора для взрыва всех накопившихся эмоций. Подсознательный религиозный страх усилил этот эффект, вызвав фантастические галлюцинации в мозгу бедной девушки. Что представилось её воображению, пока можно только гадать. Но, по всей видимости, эта была очень страшная картина. Всё вместе это имело такое сильное воздействие на психику и весь организм девушки, что привело к общей спазме мышц. И вот тут наступает пока самое необъяснимое явление — диффузия. Ты помнишь нашу шумевшую статью австрийского врача Вильгельма Райхо о биоэнергии человека, соединяющей его со всем природным миром?

— Да, что-то слышала. Западные исследователи говорят ещё и о биополе человека. Но это мне кажется мистификацией.

— Я тоже относился скептически к этому направлению в науке, но сейчас, под давлением фактов, готов поменять свои взгляды. Если девушка выживет, я хочу забрать её в Москву для исследования этого необычного феномена природы. Под это дело можно целый научно-исследовательский институт организовать.

— И, конечно, этот институт возглавишь ты, — засмеялась Мышинская, — а мы здесь, в провинции будем прозябать.

— Зачем прозябать? Если пожелаешь, то можешь тоже переехать в Москву.

— В качестве кого?

Нижегородский нервно откашлялся и, поправив галстук, чуть охрипшим голосом сказал:

— Алина, ты знаешь, что я испытывал к тебе в студенческие годы. Сейчас, когда прошло столько лет, эта неожиданная встреча словно воскресила во мне юношеские чувства. Нет, пожалуй, сейчас это глубже... Это как доброе вино, которое с годами становится ещё крепче, ещё ароматней... Не знаю, что ещё сказать, но если тебе не безразличны мои чувства, если ты сама... Ну, словом, ты меня понимаешь... Я не смею надеяться, но был бы рад... нет, был бы счастлив, чтобы ты поехала в Москву в качестве моей супруги.

— А ты, оказывается, романтик и, знаешь... — в глазах женщины блеснули слёзы. Чтобы не потекла тушь, она стала кончиком салфетки промокать глаза. Но слёзы продолжали струиться. — А, да всё равно! — Мышинская отбросила салфетку и взяла бокал с вином. — Давай выпьем и забудем всё, что было прежде... Пусть теперь всё будет по-другому. Мне хочется жить, мне хочется любить, даже несмотря на свои сорок пять...

— Сорок пять, сорок пять — баба ягодка опять, — Нижегородский озорно подмигнул, чокаясь своим бокалом с Мышинской.

— Фу, как грубо, — засмеялась Мышинская, отпивая вино из бокала. — Давай танцевать, сегодня наш праздник.

Она поставила на патефон пластинку. Нижегородский галантно взял её под руку и вывел на середину залы. После танца они снова выпили. Мышинская вновь поставила пластинку.

— Дамы приглашают кавалеров, — объявила она и, смеясь, протянула руки.

— Милая, пощади, я сегодня устал, — взмолился Нижегородский.

— Хорошо, хорошо, мой дорогой, сиди, набирайся сил, они тебе ещё пригодятся, — при этих словах Мышинская счастливо засмеялась и крутанулась на одном месте. Остановившись, пьяно качнулась, ухватившись руками за комод. Её взгляд упал на икону святителя Николая.

— А вот сейчас мы проведём научный эксперимент, — игриво сказала она, беря в руки икону. — Я буду танцевать с этой иконой, и ничего не случится, потому что Бога нет.

— Алина! — с нескрываемой тревогой в голосе произнёс Нижегородский. — Зачем это? Оставь, не надо.

Но Мышинская уже закружилась в вальсе с иконой. Она танцевала и смеялась. А когда музыка закончилась, поставила икону на комод и повернулась с победным взглядом к Нижегородскому.

— Ну что, товарищ профессор, теперь вы убедились, что икона здесь ни при чём? А теперь спать. Потом в Москву, где я буду тебя любить, где я буду о тебе заботиться. О, Игорь! Если бы ты знал, как женщине необходимо о ком-то заботиться, а иначе для чего всё... иначе тоска смертная...

Вечером 20 января Кузьма Петрович вновь заступил на дежурство в зеркальный цех. Выпив крепкого чая, он вышел покурить на крылечко у входа в цех. Сквозь скопившуюся на улице толпу медленно продвигалась машина "скорой помощи". Милиция открыла ворота, и машина въехала задом во двор прямо к дому Болонкиных. "Что же там случилось? — взволнованно подумал Кузьма Петрович. — Что-нибудь с Зоей? А может, девушка наконец-то ожила? А если с нею что плохое случилось?" "Скорая помощь" простояла недолго, минут двадцать, а затем медленно выехала со двора, но как только миновала толпу, включила сирену и быстро умчалась.

Через некоторое время Кузьма Петрович угостил табачком одного милиционера из оцепления дома и, как бы между прочим, спросил:

— А чего "скорая" приезжала?

— Да говорят, вроде одному нашему сотруднику стало плохо, вот и увезли в больницу. Нам-то начальство ничего толком не сообщает. Даже не знаем, что мы тут охраняем, если в доме никакой девушки с иконой нет. Нам толкуют, что мы оберегаем покой живущих здесь граждан от несознательных элементов. Темнят, наверно. Ну, да это не нашего ума дело.

Разъяснения милиционера не очень успокоили Кузьму Петровича. На улицу он вновь вышел часа через полтора и удивился, что не обнаружил милицейского оцепления. Толпа народа сильно поредела. Петрович закрыл дверь в зеркальный цех и перешёл улицу. Заглянул во двор и увидел, как два парня заколачивают досками окна дома. Кузьма Петрович заковылял к ним. Парни хмуρο на него покосились, продолжая работать молотками. Кузьма Петрович подождал, когда они доколотят гвозди, и спросил:

— А хозяева где?

— Сбежали хозяева, — ухмыльнулся один парней, — вот от таких, как ты, любопытных и сбежали, а окна велели заколотить, чтобы кто в дом не забрался.

В цех Кузьма Петрович вернулся ещё более встревоженным. Но не знал, что делать, — ночное дежурство не оставишь. Среди ночи раздался стук в дверь. Кузьма Петрович, сидевший всё время в напряжении, вздрогнул от неожиданности и поспешил к двери.

— Кто там? — срывающимся от волнения голосом спросил он.

— Это мы, Петрович, открывай, — раздался за дверью голос Вадима Болонкина.

Кузьма Петрович тут же распахнул дверь. Перед входом стояли Вадим, Лариса и ещё какой-то худенький мужичок.

— Это Филин, он с нами, — представил мужичка Вадим.

— Заходите, — пригласил Кузьма Петрович, даже и не думая о нарушении инструкции.

Вся троица быстро прошла в цех.

— Что с Зоей? — тут же в нетерпении задал вопрос Кузьма Петрович.

— Погоди, Петрович, мы сами ещё не до конца разобрались, — Вадим без приглашения присел на лавку, — тут непонятки одни. Дом закрыли и окна заколотили. Матери сегодня сказали, что дадут ей пока комнату в коммуналке, а потом квартиру выделят. Я Филина пригласил, они там свой замок повесили, а он мастер по замкам. Как стемнело, мы к дому пробрались, Филин замок открыл.

— Да чего там открывать, фуфло, а не замок, — самодовольно вставил свое слово Филин, — такой замок и ребёнок вскроет.

— Ты, Филин, погоди. Короче, прошли в дом, а там пусто. На месте, где Зоя стояла, доски новые настелены.

— Это что же получается, — охнул Кузьма Петрович, — они её вместе с досками увезли?

— Сегодня всё узнаем. В Пироговке есть больничный корпус с охраной для подследственных. Мы туда маляву отправили, ждём ответа.

В это время на улице кто-то свистнул.

— А вот и ответ, — обрадовался Вадим и кинулся к двери.

Вернулся он, читая на ходу клочок бумаги.

— Там Зоя, лежит в реанимационном отделении под охраной, но не на половине, где уголовники, а где расконвоированные. Это хорошо, там охраняют не сильно. Кстати, там и её мать, в отдельной палате. К дочери её допускают, но только ненадолго. — Вадим задумался. — Надо бы маляву отправить, чтобы Анастасия Егоровна поведала, что там и как. Короче, так, Петрович, если мы что-то узнаем, сразу сообщим. Ты до какого часа дежуришь?

— Утром в восемь, как смена рабочая придёт, я свободен.

— Если до утра не придём, то жди дома.

Вадим пришёл к зеркальному цеху утром, когда Кузьма Петрович уже сдавал ночное дежурство. Они вместе пошли к трамвайной остановке. Вадим был явно в возбуждённом состоянии.

— Так вот, Петрович, — говорил он на ходу. — Мать сообщает, что дочь очень слаба, но её собираются везти в Москву для научных опытов.

— Это что, как кролика какого? — возмутился Кузьма Петрович.

— Я не знаю, что там за опыты, но матери профессор сказал, что её тоже возьмут с собою, и будут они жить в санаторных условиях. Мать очень боится и считает, что, если Зою оттуда не забрать, она умрёт. Короче, Анастасия Егоровна умоляет вывезти их оттуда хоть как-нибудь. Вот мы и решили их оттуда выкрасить, чего бы это ни стоило. Ты как, Петрович, в деле с нами?

Кузьма Петрович остановился. Глаза его блестели от влаги, но смотрели уже с каким-то хищным прищуром.

— Я, сынок, бывший полковой разведчик. Пусть калека, но за такое дело готов душу положить. Предлагаю и моего друга, Михеича, подключить к проведению операции. Он сегодня на своей кляче молоко, сметану и прочую ерунду в город привозит. Кстати, и в Пироговку, в детское отделение тоже.

— Вот это здорово, транспорт нам будет очень кстати. Теперь надо решить, где Зою будем прятать.

— А чего тут решать? Лучше, чем в Рождествено у Михеича, места не найдёшь. Там у нас и фельдшер есть, его дочка. А потом, как утихнет всё, я их с матерью увезу к себе на родину в Алтайский край. Там у меня родная сестра живёт. Эх, знал бы ты, какая там красотища! Горы, озёра, леса. А рыбы-то, грибов, ягод — ну, всего в изобилии. Проживём.

— А можно нам с Ларисой тоже к вам на Алтай? — тихо проговорил Вадим и опустил голову. — Я ведь того, решил с прошлым завязать окончательно. Так что на последнее дело иду. Может, оно мне как раз Богом за грехи-то и зачтётся, как мыслишь, Петрович?

— Не знаю, что там зачтётся, что не зачтётся, но грехи надо делами искупать, тут я согласен. А на Алтае места всем хватит, не сомневайся.

— Тогда мы с Филиным ждём вас здесь. Как прибудете, сани разгрузите, так и начнём действовать. Кое-какой план у меня у есть.

В четыре часа дня Кузьма Петрович вместе со своим товарищем Демьяном Михеичем были уже на территории городской больницы имени Пирогова. Только успели разгрузить сани у детского больничного корпуса, как к ним подошёл Вадим. Он был в строгом костюме и при галстукке, так что Кузьма Петрович его сразу и не признал.

— Ты чего так вырядился? — удивлённо спросил он.

— Вопросы здесь буду задавать я, гражданин Сапожников, — при этом Вадим сунул под нос совсем ошарашенному Кузьме Петровичу удостоверение. Тот успел прочесть: “Комитет Государственной Безопасности, лейтенант Козырев...” — дальше было закрыто пальцем Вадима.

— Это откуда?

— Ловкость рук и никакого мошенства, — сказал довольный произведённым эффектом Вадим и убрал удостоверение в карман.

В Пироговке профессора Нижегородского ждал неприятный сюрприз: бесследно исчезла его необычная пациентка. Расстроенный профессор тут же стал звонить капитану Плетнёву. Тот примчался через десять минут и начал расследование. Охранник не мог толком описать внешность лейтенанта госбезопасности и даже назвать его фамилию. На проходной обнаружили в журнале запись о проходе на режимный объект младшего лейтенанта Козырева. Тот был дома, на больничном, приходил в себя после стресса, полученного двадцатого января на Чкаловской.

Плетнёв срочно выехал к нему. Козырев клятвенно заверял, что никуда из дома не выходил, а когда капитан попросил показать удостоверение, то младший лейтенант так и не нашёл его, отчего впал в ещё большую депрессию.

Теперь всё для Плетнёва сложилось в логическую цепочку. У лейтенанта украли из кармана удостоверение и, воспользовавшись им, проникли

в больничный корпус, где находилась Карнаухова Зоя. Затем с помощью расконвоированного Каменева по кличке Валет и ещё одного неизвестного вынесли девушку через хозблок. Плетнёв был на сто процентов уверен, что всё это проделал Умник. “Вот ведь, шельма, ловок!” — ухмыльнулся капитан и пошёл на доклад к полковнику Панину.

Тот выслушал доклад спокойно и сказал, довольно потирая руки:

— Если бы знать, что так будет, надо было помочь твоему Умнику.

Плетнёв с удивлением посмотрел на своего начальника.

— Да, да, капитан, не удивляйся. В этом деле пострадал только профессор. Он лишился своей подопытной. А нам теперь легче. Не надо на совесть свою ничего брать, на ней и так всего много. Рассуди сам. Куда прикажешь девать эту Зою и её мамашу? Судить-то их по закону не за что. А теперь они сбежали и чувствуют себя преступниками, которые вынуждены скрываться. Значит, забьются в какую-нибудь норку и будут молчать. Опять же этот твой Умник в воровской компании появиться не может — там он сразу засветится. А ведь он один из главных свидетелей этого так называемого чуда, да ещё его подруга Лариса, которая исчезла вместе с ним. Они тоже будут скрываться и молчать. Нам того и надо. Пусть всю жизнь оберегаются и молчат. Сверху нам дано указание всё дело о “стоянии” ликвидировать, как будто его и не было вовсе. Так что давай свою папочку сюда.

Капитан всё ещё в растерянности подал Панину папку. Несмотря на центральное отопление, у начальника отдела была в кабинете печка-голландка. Он подошёл к ней, отодвинул заслонку дымохода и открыл старинную чугунную дверцу.